

В номере:

□

Книга года:

Антология

Евгения

Степанова

□

Проза

Поэтограда:

«Личная битва»

Астры

□

Выдающийся

поэт России

□

Поэзия

Виктора

Хатениовского

□

Пьедестал

Поэтограда

ВЫДАЮЩИЙСЯ ПОЭТ РОССИИ

БОРИС ХЕРСОНСКИЙ

* * *

Знали ведь, как аукнется так и откликнется.
Называли свою страну всесоюзной житницей,
называли город черноморской жемчужиной,
шли на службу в рубашке ветхой, да отутюженной.

Занимались политэкономией, также иными науками,
возмущались стилягами, суками, узкими брюками,
на начальство глядели с нежностью, на детенышей — буками.

Тащили их за собой из райского детского садика
домой, в коммуналку, из коллективного адика —
тихий час, фурии в белом, кровати с железными спинками,
речь с дефектами, заиканиями, запинками...

И трамваи звенели звонками, гремели колесами,
и детки росли безумными, безголосыми,
как знали, что пустят их по миру голыми-босыми.

И нечем хвалиться, разве что — деяньями ратными,
водянистыми небесами да облаками ватными.

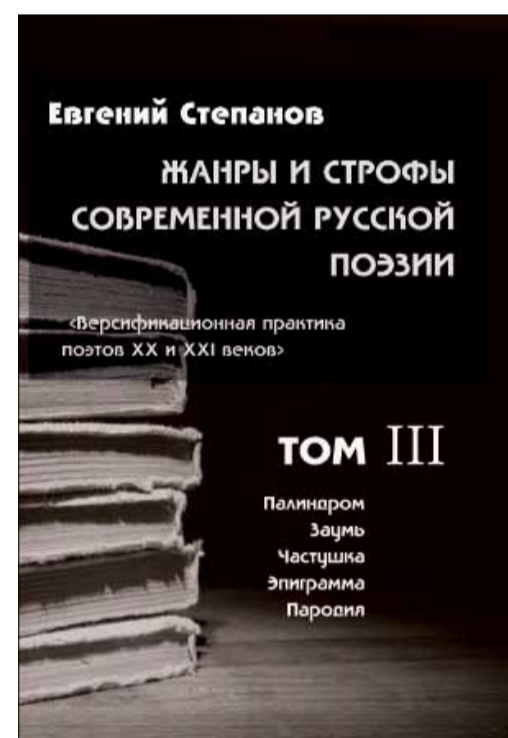
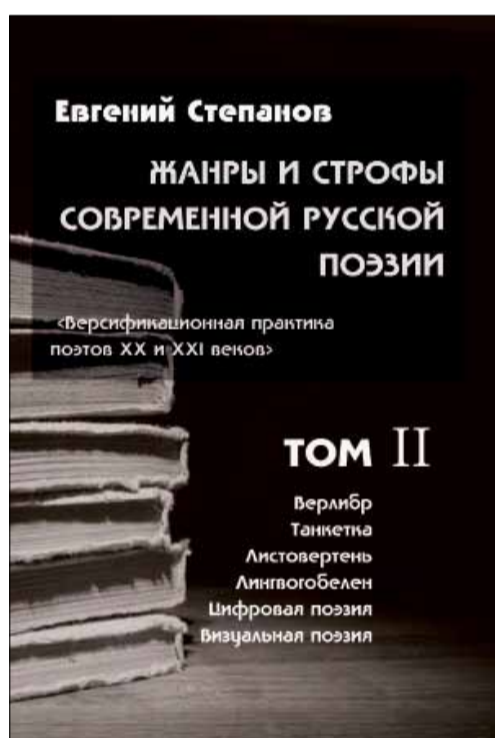
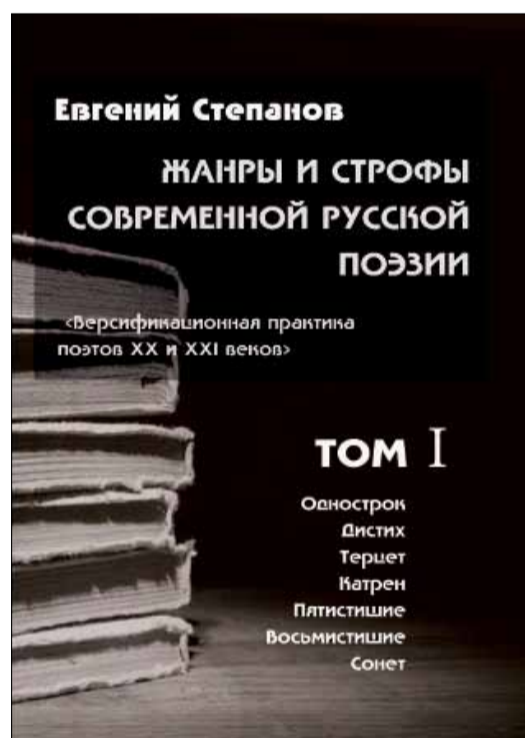
(Стихотворение из журнала «Дети Ра», № 5, 2013)

КНИГА ГОДА

НЕ ПРОПУСТИТЕ: АНТОЛОГИЯ ЕВГЕНИЯ СТЕПАНОВА

Спрашивайте в магазинах «Москва», «Фаланстер», «Озон» и litlavka.ru

ПЬЕДЕСТАЛ

ТРИ КНИГИ НЕДЕЛИ

Еженедельно в рубрике «Пьедестал: три книги недели» — лучшие книги, выпущенные как издательским центром «Вест-Консалтинг», так и другими издательствами нашей страны. Это наш пьедестал почета — книги, которые мы рекомендуем вам, уважаемые читатели!

Сергей Нырков
«В плену у алфавита»
М.: Вест-Консалтинг, 2013

Александр Лейбо «Человек единственный, во множественном числе»
М.: Вест-Консалтинг, 2013

Алексей Юрьев «Прекрасная невидимка. Долгий день»
М.: Вест-Консалтинг, 2013

НАШИ ЖУРНАЛЫ

МЕЖДУНАРОДНЫЙ ЖУРНАЛ

«ДЕТИ РА»

«Дети Ра» — толстый литературный журнал ПОЭЗИИ, издающийся с 2004 года.

Журнал «Дети Ра» основан в 2004 году в Саратове.

С 2011 года выходит под эгидой Союза писателей XXI века (сайт www.writer21.ru).

Слово «Ра» имеет много толкований. Это и древнее название Волги, и Бог Солнца, и русский авангард. Все эти значения в той или иной степени применительны к названию журнала. Он возник на берегах древней реки, поэты — всегда дети Солнца, и печатаются в «Детях Ра» авторы, исповедующие не только силлаботонические принципы, но также ориентированные на поиск в поэзии, ищущие свое самовитое, авангардное слово.

Главный редактор — Президент Союза писателей XXI века, кандидат филологических наук Евгений Степанов.

Издатель — Холдинговая компания «Вест-Консалтинг».

ЖИТЕЛИ ПОЭТОГРАДА

ВИКТОР ХАТЕНОВСКИЙ
ЗВУК ГОРНА

Вот только странно в эту ночь
Смерть разодета — как невеста.

8.09.1994

* * *

Татьяне Костандогло

Среди прочих напыщенных львиц ты, бесспорно,
Выделяешься запахом кожи. Звук горна
Твоего — как набат, предвещающий — вскоре
Эту землю волной смоеет в Черное море.

Я — которого страх грозным скрежетом стали
В предстоящем бою обезглавит едва ли;
Я, который познал вкус борьбы, запах крови,
Трепещу, когда ты сводишь тонкие брови.

Обескровлен, сражен, припечатан к веригам
Тихим голосом, взглядом пронзительным, криком:
Из тибетских пещер повылазив, атланты
Твоим недругам рвут причиндалы и гланды.

31.10.2000

* * *

Голос, взгляд, походка, жесты —
Слепок жизненный... В Белграде
Смерть, схватив костюм невесты,
Льнет к кладбищенской ограде.

Под стеклом расправив спины,
Подвывая: «Все мы смертны.»,
Розы, астры, георгины
Снова ждут сакральной жертвы.

Затхлый запах влажной тверди
Мозг взрывает криком: «Горько!».
Моцарт, Бах, Чайковский, Верди
Нагнетают страсти... Только

Оглашенным — страх неведом:
Растворившись на погосте,
Будешь — скомканным портретом
Приходить к Отчизне в гости.

17.03.2012

* * *

Ночь оглохла от скорбного бубна.
Ты хандрой, как проказой, больна.
Разведенка... Горда, неприступна —
Свыклась с платьем из черного льна.
Не колдунья, не божья невеста —
Ждешь нетрезвых лобзаний земли:
В брэнной жизни достойного места
До сих пор для тебя не нашли.
Сколько мифов ты не развенчала,
Сколько слов не успела распять?!
Сколько слез у морского причала
Смоет с глаз твоих — черствая мать?!

25.06.2012

* * *

*Маме,
Нине Павловне*

Сколько непритворных слез,
Бедствий, стрессов нервных
Отпрыск ваш Вам преподнес,
Будучи, во-первых —
Хворым, хрупким, щипцевым
Вздорным... С колыбели —
Плакальщицы стадом злым
Над блаженным пели:
«Для тебя под Минском вы-
Выдолблена яма!»...
Где б я был, когда б не Вы,
Дорогая мама?!

4.10.2012

* * *

Жизнь обескровлена и зла,
Как голос к Богу вопиющий.
С утра гремят колокола,
Дохла плесенью. Из гуши
Косноязычной, злой орды
Звучат воинственные оды.
И мы беспамятством горды
В объятьях вспыхнувшей свободы.
Свободы от... свободы для
Разноречивых, лживых сплетен:
«Прогнило днище корабля.
Костюм безденежьем изъеден».
Кресты, хоругви, образа
Следят, предвидя перемены —
Чтоб в застекленные глаза
Не просочился яд измены.

25.01.1996

* * *

Октябрь. Слякоть. Листопад
Флиртует с ветром. День обвалом
Надежд отмечен. Двое спят,
Укрывшись плотным покрывалом.
Ночная мгла не так страшна
Содружеству... В застенках рая
Жена, как смерть, ему нужна;
Ей нужен муж, как боль зубная.
Так — было, есть. Так будет впредь.
Вновь умертвив в октавах звуки,
Она рискует — растолстеть,
А он — состариться от скуки.

21.10.1998

* * *

Декабрь без снега — благодать.
На ветках — гроздь спелых почек.
Ты с каждым призраком в кровать
Ложись спать без проволочек.
Затем, проснувшись поутру —
Всплакнешь над свежим некрологом:
«Ведь я — когда-нибудь помру
И в гроб сойду в костюме строгом».
Твой мозг хандрит без топора.
Заправить снедь холодной водкой
Тебе — давно пришла пора;
И — в путь скользящую походкой.
Так — день за днем, за годом год:
Трактир, трамвай, завод, берлога.
И чернь подвыпившая ждет
Очередного некролога.

5.12.2005

* * *

В две тысячи бесхитростном году,
Почти что став родного батьки старше —
Забронзовеешь, съездишь в Воркуту,
По Брахмапутре проплывешь на барже,
Пройдешь сквозь строй состарившихся лиц
На сквернословных ярмарках, вериги
Сорвешь с души, вернешься в Аустерлиц
И жизнь вдохнешь в неизданные книги.

31.12.2011

* * *

Распластанный зажавшейся Москвой,
Отвергнутый благопристойным Минском,
Клятвоступник с крупной головой
Юродствовал пред мрачным обелиском.

Глумилась над пространством чехарда.
Неистовствовал вздор. В мертвецкой хмуро
В застиранных халатах ждут — когда
Под пальцы приплывет клавиатура.

22.06.2013

* * *

Был дерзок я, как уркаган.
В бескровной схватке с вами —
Краснел, хватался за наган...
Мог землю грызть зубами.
От криков собственных оглох —
Неистовствовал... Следом —
Раскрасил стихотворный слог
Прекрасным черным цветом.
Вам трудно мне не сострадать?
Бог — в помощь! Рифмы эти
Грудной братве талдычит мать,
Весь день горланят дети.
Мой стих сильнее топора,
Страшней клыков вампира...
Довольно! Полночь. Спать пора.
Раскурим — трубку мира?!

2.08.2011

* * *

Жизнь, как камни раскидала
Нас. Пресытившись хлыстом,
Тяжкой поступью вандала
Входит память в старый дом.
Без фанфар, без песнопений
Одолев промозглый тлен,
Входит, бродит... Чьи-то тени
Отделяются от стен.
Прорастает память телом:
Камнем высветлив версту,
Батька в платье черно-белом
Грудью тянется к кресту...
Прокричав веселью: «Трогай!»,
Слезы вытравив из глаз,
С повседневною голгофой
Мать смирилась ради нас...
Злая память сердце гложет:
Ощетинившись, как зверь —
Просчитает, подытожит
Горький перечень потерь.
Жизнь вбивает ногу в стремя,
Грудь рубцует мошара...
Ах, как сладко пахло Время
В предвкушении добра!

30.06.1997

* * *

Набычив лоб, сойдя с ума,
И умертвив в октавах звуки,
Вновь расторопная зима
Ребенком просится на руки.
Она предчувствует разлад...
Кричит: «Юродивый, покуда
В грехах замешкался Пилат
И от судьбы бежит Иуда —
Твори!» Пытаясь мне помочь,
Деревья вскакивают с места...

ПРОЗА ПОЭТОГРАДА

АСТРА
ЛИЧНАЯ БИТВА

ВСТУПЛЕНИЕ

Когда ранним утром в большом пруду у Речного вокзала отражается восходящее солнце, и оба солнца твои, и утки греются в нежных лучах, и чайки касаются воды крылом... тогда, настроив восприятие, можно перекинуть мост в Бесконечность: на мновение, на два отдергивается завеса. Только это имеет значение, только это уравнивает человека и Вселенную.

Тишина и безлюдье царили в парке. Солнце вставало ясное и огромное, обещающая хороший день, и еще светился в вышине остренький месяц, застилаемый алой дымкой тающих туманов, и молчаливые рыбаки стерегли зорьку, а в окнах дальних домов уже пылал отраженный пожар, и поодаль, среди светло-зеленых расстрепанных ив на цветных железках занимались ранние спортсмены.

— Всем привет!
— Здравствуй, Аннета.
— Какой восход! А вверх тормашками, поди, еще краше? — она нагнулась к висевшему вниз головой на шведской стенке.

Он соскочил на землю. Седой, крепкий.
— Уж я их павидал, восходы-закаты, — его взгляд задержался на ее лице.

— Ах, да, ты у нас с Сахалина!
Молодежи сегодня не было, она занимается в выходные дни. Шуточки, разговорчики, все давным-давно знакомы, почти родные. *Время говорить*. Наклоны-повороты, ветерок, плеск ленивых волн. Солнце взлетало. Просыпались автодороги, слышались лай собак, крики хозяев, появились сборщики бутылок со своими мешками. Новый день рассеивал розовые туманы.

— До свидания!
— До завтра!
Звали ее, конечно же, Анна, серьезно и по-русски, но в студенческие времена за совершенный французский являлась «Аннета», новое имя, заслуженное, как говорится, по жизни, подобно индейкам «*avant christophe colomb*», да так и осталась для себя и друзей.

Дорога домой — тоже в радость: синее озеро, белые мостики, зеленые покатоки лугов в полевых цветочках. Если идти вдоль самой воды с ее зеленой глубиной, рыбками среди водорослей, то можно видеть слева две свои тени сразу: первую, отраженную смеющимся в воде солнцем, слабою, прозрачную, на древесных стволах и ветвях, и вторую, обычную, бегущую по земле, по скамейкам, вазонам.

Размышлять на ходу — новая ограда, подумав всегда есть о чем. К примеру, о возрасте. Принято считать, что после доблестного труда и семейного героизма нас едва хватает на смиренное доживание. Мол, все свершено и подлисано, пора и честь знать, и ненаглядные отпрыски ждут-не дождутся своего часа. Об этом не говорят, таят в себе вроде сосуда с желчью, но разве не так?

Так, так... да не совсем. Недавно, почти вчера, на дальней лесной тропинке, неясным предвестием засветилось некое понимание. Что-то откроется...

Тень протянулась по росистой поляне. О, что за вспышки понеслись из травы! *Время безмелествовать*, покачиваться, созерцать.

И тут пробудился мобильный. Влада. По обыкновению, ни свет, ни заря.

— Привет! Какое утро! Ты дома?
— На росе.
— Завидую.

Да уж, у нее на Арбате не разгуляешься. Прошлой осенью Влада, деловая женщина, издала все сочинения Аннеты, семь истинных книжек, и тем словно вывела на свет узников, уже чуть не дергавших за одежду: «Выпусти! Выпусти!», готовых взорвать тюрьму-компьютер.

— Как жизнь? — Влада улыбалась — Что пишешь?

Аннета словно видела ее сейчас: полноватую, с утра подкрашенную, готовую к боевым сражениям дня, но не прежде, чем улунить минутку почирикать с нею, Аннетой.

— Ничего не пишу. Но записываю, много записываю.

— Помощь нужна? — Влада умела задавать неудобные вопросы.

— Помощь?
Шелестели шаги, стучали каблук, молодые люди, легко и красиво одетые для жаркого дня в офисе, спешили к метро, и лишь она отрешенно брела в спортивной одежде по светлой плитке пешеходной дорожки.

— Не мучайся, начни первую страницу, там само пойдет, — в столь прекрасное утро даже властительно-премудрой Владе казалось, что все просто. — Садись и работай, как ты умеешь. Беда с любимыми подругами!

— Не знаю, Влашенька, о чем я сейчас. Звуча нет. Но близко, близко.

— Собери себя, не растекайся. Я в тебя верю.

— Спа... — Аннета почти произнесла «спасибо», как вдруг застыла на месте. — Стой! — образ, мелькнувший в лесу, прояснился. — Как просто! Шаг... шаг к себе нынешней, именно к себе, без прогибов под молодых! Помнишь шутку про огурчик, соблазнительный в пору первой зрелости, и неказистый, хотя и полный отборных семян, во вторую?

— Не лукавь, дорогая. На тебя и сейчас заглядываются.

О, да. По жизни «красивая женщина», Аннета давно записала себе, что красота — это топор под компас. *Сердце красавицы... мильон*

терзаний! Сколько душевных мук, сколько обманутых грез! Но прочь, прочь.

— Я сама, сама себе интересна! Надоели оглядки да стеснения. С какой стати? Я не собираюсь выбрасывать себя на помойку! — прохожие оглянулись на нее. — Спасибо за встряску, гора с плеч. Понимаешь меня?

— Да, да, успокойся.
Красный сигнал светофора собрал толпу у перекрестка.

— Что замолчала?
— На переходе. Слышишь машины?
Народ двинулся на «зебру».

— Скажи, — вкрадчиво прикинула Влада, — это будет интересно? кому-нибудь нужно?

— Мне нужно. Жизни моей, развитию нужно. Литература — не теплая ванна, она вершит-ся из огненных пелен на острой зазубрине. Мне сейчас так видно, я словно из вечности смотрю. Она подходила к дому.

— В общем, я готова. Принимаю судьбу, — внутри дрожал нерв. — Это будет женщина в возрасте, с опытом, осознанием, со всем, что приходит в пятьдесят, шестьдесят и дальше. Туда же никто не заглядывает! Название — «Личная битва». Как тебе?

Влада молчала.
— Я горжусь тобой, — проговорила тихо.

ГЛАВА ПЕРВАЯ

ЧЕТЫРЕ ДНЯ

С некоторых пор на просторных лугах Подмосковья, где совсем недавно цвели сады и наливалась крепостью прохладная капуста, чудесным образом выросли невиданные дачные поселки; их облик, полный дерзкого своенравия, смешанного, как бы сказать, с денежным самодовольством и каплей детского простудуши, изумляет до отрицания. Привычных домиков с мезонином здесь почти не встретишь, зато с какой гордостью стоят игрушечные средневековые замки с башнями и флюгерами, английские поместья с окнами в частые переплеты, избушки на курьих ножках!

И заборы-заборы-заборы.
Дача Аннеты, простоватый крепкий домик, разместила-ся возле исхоженного тропками лесочка, что не спасало ни от музыкальных вкусов соседней, ни от самолетных разворотов к ближайшей воздушной гавани. Это счастье привалило по весне с пуском нового терминала.

— Ох, лето красное... жара, горящие торфяники. Куда податься? — она сидела на дачном крыльце, подперев голову. — У Гроса, что ли, спросить?

Грос — свой человек, его рассказы любишь, как хороших друзей. Она еще помнит его начало, когда красавец-художник, разрисовывающий чужие книжки, стал писать сам, да так сердечной! На пыльном юбилее в Нижнем буфете Дома литераторов он подарил ей прелестную повесть о любимой собаке со своими картинками.

— Алло, Гросенька! куда бы отскочить на тройку дней?

— К Юрсу, конечно, в пустую деревню среди лесов и озер. Он там один. Звони и передавай привет от меня.

— Ты тоже предупреди. Мол, геолог, неприхотлива.

— Ты геолог? А он лесник. И у нас в БПП.

БПП — сайт Библиотеки профессиональных писателей. Ему всего четыре года, в нем десятка три пишущих, добрые друзья забытого Валерочка Шашина, ее одноклассника, создателя сайта.

Итак, к Юрсу.

На странице — умное бородастое лицо, в очках. Возраст... «вторая зрелость». Поэт! дотронуться страшно. Стихи смолистые, тихие, точно покачивание полевого цветка. И потянуло густой хвоей, и, как встарь, позвала дорога — предчувствием новых людей, новых мыслей, нового воздуха.

Туда, туда.

Позвонить, поехать — чего проще! Так и было, когда цвела ее красота. Но не сейчас. После тридцати пяти красивые женщины живут с нарастающим позором в душе: красота, данная, казалось, на всю жизнь, начинает вянуть, и впереди либо смирение бабушки-старушки, либо тощее сопротивление. Оба хуже. Есть ли третий путь?

Запрос есть запрос. Пора.

— Привет Юрс! Я от Гроса. Хотелось бы приехать.

— Знаю. А зачем?

— За туманом... — о, жалкая улыбка!

— А здесь никаких развлечений, ни единой души. И от автобуса четыре километра лесом.

— Замечательно, — страх растворил ее в кисель.

— Не уверен.

Он отказывал ей! Уф.

«Эй! — польхнуло в груди. — Стоять! Не к нему прибавляю, но в любой деревенский сарай. Побеждать! Потом сам попросит».

— На три дня, Юрс. Не стесню. Что привезти из Москвы?

Кто там прячется в подробностях? Само осуждение — уже коварство.

— Ничего не надо, вези для себя, — сдался сердито. — Ко мне едет Март. Свяжись с ним.

Еще один. Ну и «трессы»!

Голос у Марта веский, с хрипотцой, ровный, без игры. Та-ак: сразу на ты, как и с Юрсом, и напирать, как танк. Есть. На неделю он в командировке, звонить в начале июля. Уф... не

завтра. Пусть, пусть складывается само, пусть прольются дожди и установится ведро. Они и пролились. Да какие! Из низких и темных свинцовых туч, гоня впереди пыльные вихри, топя автомобили, в грохоте и сверкании обрушился такой потоп, что разом освежил и вымыл весь город. И такой удалю природный борений повеяло на душу, что как-то поверилось, что все будет хорошо, потому что не может быть иначе. И четыре километра лесом!

В урочный день вышла на связь. Весело, полу-обморочно.

— Что, Март, как решаем? Едем?

Помолчал. Эх, подумал наверняка, в кои веки сговорились с другом схорониться в глуши подалее, так рвется какая-то!

— Ну, пора брать билеты, — уступил тоже. — Завтра на вокзале в три часа.

Значит, не на машине.

И добавил, тая свою мысль.

— Как я тебя узною?

— Стройная дама... — запнулась, — в возрасте.

Ну и «трессы»!

— Одега?

— Белая блузка, длинная модная пестрая юбка, — о золоченых французских босоножках не сказала, но хотелось.

— Пестрая — как?

Художник, что ли? Не похоже по голосу.

— Красное с белым.

— Понял. Я попроще, с бородкой, рюкзаком. До встречи.

На другой день жара еще накалилась, угар стугился в горечь, в едком дыму медленно двигались поливные машины, остужая воздух бьющими вверх водяными струями, в то время как выпуски новостей пугали весь мир почти военной задумчивостью города; искать спасения не удавалось ни в фонтанах, ни в водоемах, но лишь близ охлаждающих установок внутри комнат и зданий. *Прочь из Москвы!*

Ровно в три часа Аннета перешагнула порог зала ожидания и стала прохаживаться в его прохладе, волнуя шелк юбки, поглядывая искоса в приоткрытую сумку на свою молодую фотографию, вложенную в паспорт: мужчины серьезною при виде нее: «Вот каких женщин надо любить». Пустьчок, а приятно, в минуты острого, как сейчас, волнения каплей уверенности разжиться можно.

Три-двадцать. Никого.

Возведенный сто лет назад Рижский (Виндавский) вокзал пережил *громокопильщик* двадцатый век, сохранив прелесть модерна «под народный терем», так славно преобразивший тогдашнюю Москву новым ощущением города, наслаждением от мозаики, виньеток, лепных фасадов, от овалных окон с их сладостно гнутыми переплетами, лениво-вьющихся литых оград с растительным рисунком и даже от точеной узорности дверных ручек! Облик Рижского вокзала и поныне хранит доверие к жизни — эти кокошки, башенки, портики, каменные гирьки, свисающие с наличников будто в средневековье, и сейчас радуют глаз, несмотря на ослепшую, заложенную сплошняком — чьей *дерзновенной рукою*?!! — срединную арку входа. Внутри, под высокими сводами чистота линий сохраняется скупостью убранства, мягким освещением и тишиной, обязанной во многом отсутствию шумливых толп пассажиров-южан с их фруктовыми горами.

Три тридцать, четыре часа. Скольких бордачей с рюкзаком встретила и проводила, дважды пропустила полную очередь в кассу, с неожиданной сердечностью посудачила с дежурной о нынешней заштатности вокзала, когда-то бывшего первым в России, о сокращении направлений и отмене прицепного вагона как раз до городишка, нужного Аннете. Четыре тридцать. Порыв все бросить уже не казался бредом. Да и как там будет? В одном доме, ночью, с незнакомыми мужчинами, им тоже не по себе, недаром второй час нет этого Марта. «Тум-тум-тум, — приструнила себя. — Никто не обещал неба в алмазах. Это дорога. По своей поперечности ты даже не взяла мобильник!»

Четыре-сорок пять.

...На широком крыльце слева стоял человек с рюкзаком и бородкой, средних лет, бывалый, даже тертый на вид. Невысок, седоват, плотная короткая стрижка, глубокие морщины на лбу, цепкие внимательные голубые глаза. Его задержала командировочная отчетность, он звонил, не дозвонился.

С первых же слов, и когда встали в очередь, где опять оставалось всего два человека, и когда брали по паспорту билеты в окошечке (тсс... не показывать года рождения, там юбилей на носу!), расплачивались, делили сдачу, ощутили его сдержанность — ни вопроса, ни суждения, — и привычность к суетливым дорожным делам. Спокойно с ним.

Итак, завтра вечером. Ура.

— До встречи.

Духота на улице, духота в метро. Белорусская-кольцевая. Кинув взгляд на бегущую строчку в вагоне, она поднялась одной мыслью, легкая, с сумкой через плечо.

— Ого! — незнакомый мужчина схватил ее локоть. — Можно?

Она вздрогнула.

— Н-нет.

— Почему?

— Уф... ушло время.

Пассажиры с интересом прислушивались.

Он отпустил руку.

— Напрасно вы так думаете.

Он ошибался на двадцать лет. Влада права, на нее и сейчас заглядываются: стройная,

румянец — природа не поленилась, спасибо ей, но как быть со страхом разоблачения?

4 июля

Все-таки она сказала, заштатность вокзала: высокой платформы не было, в вагон забирался по ступенькам. Март с легкостью поднял ее сумку с колесиками, куда-то пристроил.

— Вот, хорошо.

Он смотрелся крепким боевичком в зеленой пятнистой форме, с уголок тельняшки на груди, серо-зеленым рюкзаком.

И поезд пошел, пошел, раскачиваясь, набирая скорость. Отбегали пригороды, широко и полого, завораживая глаза, открывалась равнина, впереди по ходу знойно пылал и плоско отражался в красных реках и озерах закат, огромный, грозный, какого не увидишь ни в каком парке. В вагоне шла простая дорожная жизнь, стелились-укладывались, многие возвращались домой после смены или вахты, всего-то ночь пути!

Светленькая проводница принесла чай. Март заплакал за обих.

— Не спонсируй меня, Март.

Улыбнулся. Просто с ним.

Они беседовали, сидя за боковым столиком.

В темной майке с зеленой каймой, в брюках и кроссовках, в привычном состоянии здоровья и собственной красоты, Аннета наслаждалась перестуком колес, дальними видами, тем, что, наконец-то, можно расслабиться. Едем.

Упреждающая ошибка, сказала обиняками.

— У тебя есть внуки?

— Внучка, три годика, — спокойно ответил он.

— У меня двое, девочка семи лет и мальчик четырех.

— Вот, хорошо, — усмехнулся, — жених нашелся для нашей Аленки.

И добавил для зачина.

— Шестой десяток... Была жена... и нет ее.

Аннета не поддержала: и потому что возраст — жгучая тайна, и не затем пустилась в отрыв, чтобы вязнуть в личном. Но фотографией похвалилась. Кивнул, промолчал.

Поезд шел. Едем-едем.

— Часто бываешь в дороге? — разговор вела она.

— Приходится. То командировки, то вот... друга единственного похоронил во Владивостоке.

Она вскинула глаза.

— Мое сочувствие. Что-то случилось?

— Туберкулез, — и встретив ее взгляд, подтвердил. — Пришлось немного.

«Тертый». Помолчали. Мерцали, отбегая, огоньки, погружались в сумерки дальние перелески, многоцветный закат сдвинулся вправо и потухал.

— С Юрсом давно дружишь?

— С девяностых. Он редактором был, а тогда какие понятия... не согласился, встретили в подъезде, ударили сады по ногам. Приемчик такой, сразу ломает. В больнице стихи написал, о природе. Я как услышал... чтобы так о природе...

Да, стихи чистые.

— Те больше не угрожали?

— Ну, как... защищал его.

— Дрался?

— А иначе и нельзя было. Недаром де-сантуру предупреждают: «Бойтесь уличных боев», — он говорил ровно, как бы нехотя; неизвестная мужская жизнь всплывала в его словах. — С тех пор сколько дорог прошли, по болотам, по лесам. Я и сейчас с палаткой, не в доме же спать.

— Дом большой? — быстро спросила она.

— В жилом доме три спальных места и печка. Тебе баню отведут, не переживай.

Он уже «понял» ее, она ощущала легчайшую, как перебор струн, его сонатровку, когда знание входит само, без слов; такое еще осталось в хороших простых семьях.

— Большой дом, баня... в брошенной деревне?

— Ты что! — он даже отпрянул. — Это новострой, сам помогал с электропроводкой.

«Богатый дядя» — она удержала улыбку, но он отозвался.

— Юрс не хозяин, он присматривает. Вообще, он непростой человек, в Европе, в Америке жил.

«Интересный поэт».

— А хозяин?

— Наезжает в охотку.

За окном стемнело, в стеклах отразились их лица, тускло освещенные вагонные полки.

— Ха-ха, — слышалась кашель курильщика, когда он выходил в тамбур из спящего вагона. — Ха-ха.

Поезд мчался сквозь темноту ночи. Огромная луна, ухая в ямы, хищно гналась по пятам, и деревья, черные, дико-встающие, хлестали ее по лицу.

5 июля

К шести утра постели были свернуты, вещи сдвинуты в проход. Пробегали короткие пригороды, поезд остановился. Высокой платформы здесь тоже не было, спускались и прыгивали на песок. Утро было ясным. Под легким небом шелковисто блестела путаница рельсов, утренний ветер доносил ароматы трав.

Первой неудачей стала черная сумка на колесиках, валившаяся на бок от любой трещины на облупленном асфальте, а впереди лесные километры!

ПРОЗА ПОЭТОГРАДА

АСТРА
ЛИЧНАЯ БИТВА

— Для паркета сумочка, — глаза его прищурились.

Несмотря на ранний час, вокзальная касса работала и без задержки распечатала обратный билет на восьмое июля, через три дня на четвертый.

— Так скоро? — удивился Март. — Не погодись?

— Неизвестно, как все будет.

Скромный незатейливый городок начинался сразу за привокзальной площадью с памятником Ленину из серого шершавого гранита. Любят в провинции своих истуканов! Тут же размещалась автостанция, от нее один за другим отошли два автобуса. Номера были не те, а как хотелось откинуться на плюшевое сиденье и смотреть, смотреть! Своего автобуса предстояло ждать два с половиной постылых часа. Март взял билеты, их узкие ленты свисали с его ладони. На скамейках под навесом сидели несколько человек, с краю у дороги дожидались две легковушки. Простое решение возникло сразу.

— Две женщины да мы, на четверых не дороге автобуса.

— Вот же билеты.

— Но мы уже здесь, — Аннета не допускала отказа. — Сдать можно?

— Все можно, — подумав, согласился он. — Ладно, там разберемся.

И они понеслись. Сужаясь к дальним холмам, вторя им, черное шоссе стелилось в просторе земли и неба, в голубом и зеленом, в некошенных лугах, перелесках, мимо желтых дорог, редких домиков. Пролетели по мосту над руслом и протоками, и вновь вырвались на приволье, *напиться глаза красотой*, под тугими порывами тепло ветра. Завезли одну попутчицу, другую, став свидетелями двух непохожих родственных встреч. Все, теперь к себе.

Вживую первое озеро засветилось сквозь сосны, едва свернули в настоящий лес. Тихая водная гладь, оживленная косячками ряби, покоилась среди зеленых лобастых берегов; хвойный бор, покрывающий их, казался, взбирался по склону тесной гурьбой верхушек, среди которых белели прямые стежки сухостоя.

Высадив их на лужайке близ воды, машина ушла. Дальше предстояло идти пешком.

Огляделись. От тишины и хвойного настоя радостно дрогнуло сердце. Отраженные в воде едва заметно плыли облака, рослые камыши дремали у берега. Случайная полянка оказалась обитаемой. На короткой травке, устилающей подножие высокой сосны с выступающими корнями, виднелись следы бледного кострища, там-сям нашлись две-три пивные пробки, в прибрежных камышах светлели узкие расчищенные сход к воде.

— Купайся! — предложил Март.

Она отказалась.

Тогда он скинул одежду, ладный, сбитый, какими бывают невысокие мужчины, бросился в воду, нырнул-вынырнул, поплыл. Молодец! Это поступок — вот так раздеться. Трусики у него короткие, отечественные, новые.

— Купайся! — крикнул из воды.

— Купальник забыла.

Не забыла, а не взяла. Закатав брюки, ступила на волнистый песочек дна, в теплом мелководье резвились мальки, бежали солнечные блики.

— Мягкая вода.

— Ногами почувствовала?

— Ласковая, живая.

Пока он плавал, она поднялась по склону. Россыпи земляники, черника на кустиках. Шмель звенит. Душа моя, ты вернулась? Зеленый поворот в лесную чащу. Почему так волнуешь изгибы дороги?

— Купайся, — смеялся Март. — Я отвернусь!

— Да, да.

Шуточки, шуточки.

Одевшись, он достал из рюкзака белую капитанскую фуражку с золотым позументом, и в ней показались еще бывалее, и, вместе, моложе и озорнее.

— Пошли?

— Пошли.

— Тут недалеко, четыре километра.

На поясе его висел фотоаппарат, за плечами набитый рюкзак. Зеленый поворот остался позади справа, Март взял левее, к набитой желтой колее, по которой могла бы, да не захотела ехать машина. Подъем начался сразу, вверх, вверх, вверх на вершину бугра, затем спуск вниз, вниз, вниз в низинку к топкой луже и снова вверх, вверх, вверх, вниз, вниз, вниз, бугор за бугром по желтой дороге. По обе стороны стоял освещенный утренним солнцем сосновый лес, чистый, строевой, как принято говорить, отнесенный вширь на несколько метров, и больше ничего не было видно ни впереди, ни за спиной, лишь холмы да светлая дорога. Вверх, вверх, вверх... вниз, вниз, вниз.

— Моренная гряда, — усмехнулась Аннета-геолог.

— Разве здесь было море?

— Морена — не марина. Это ледниковые отложения.

Вверх, вверх — вниз, вниз.

Вопреки опасениям, колесишки вертелись исправно, но лишь на твердых суглинках, стоило же встретиться прослою песка, как они умирали и сумка превращалась в труп, оставивший на поверхности кривые борозды.

— Для паркета сумка, — съязвил спутник.

— Не говори. А ведь был выбор.

— Стой! Обернись, — фотоаппарат смотрел на нее. — Вот, хорошо.

На очередном песочном подъеме Март, сам похожий на муравья под прямым современным рюкзаком, дернул сумку к себе.

— Давай я потащу.

— Тогда вместе.

Надежно с ним.

Холмы моренной возвышенности занимают пространство на Русской платформе между зелеными равнинами средней полосы и озерной голубиной северов. Это память о леднике. Миллионы лет назад тяжкая ледяная толща, нарастая на поверхности Скандинавского щита, вмерзая в себя гранитные глыбы и плавясь от собственной мощи, медленно расплзлась к югу. Оглушительные трещины разрывали ледяной массив, в крошку, в суглинки-пески, в круглые валуны перетирались граниты внутри этой давилки. И неужели планетарное действие разыгрывалось перед пустым залом? Без сомнения, были глаза. Просвещенный светловолосый народ отступал вместе с ледником. С потеплением, когда ледяной панцирь растаял и горы мусора легли холмистой грядой, люди вернулись, прекрасный сильный возвышенный народ. Его священные послания нам, потомкам, на валунах — по-русски! — мы недавно научились читать.

Вверх, вверх, вниз, вниз. Крепок хвойный воздух! А комарья, слепней! Так и бьют, так и жалят сквозь майку, чуть остановишься.

Между тем, солнышко поднялось к полудню. *Жар донимает, пот выступает.* Второй час пути, однако. Идут, идут. Четыре километра?

«Не подавай виду».

Теперь на вершинках, через три на четвертой, Аннета стала отдыхать.

— Постоим?

— Давай.

Она, женщина, предлагала, которой ой-ой-ой! как тяжко с сумкой на колесах! Он хватался за сигареты.

— Хка-хка.

Что они делают, мужчины, со своим здоровьем?

Вверх, вверх, вверх, вниз, вниз, вниз... Сколько горбчатых километров? Что-то происходит... Молчать? Вверх, вверх, вверх.

— Отдохнем?

— Пожалуй.

Вперед, вперед. Укатали Сивку крутые горки. Одна вершина, другая, третья, четвертая.

— Отдохнем?

— Давай Хка-хка.

А ягод! Земляники — полные пригоршни. Давно не собирала! И редкие бутылки.

— Это охотники бросают, не местные.

— Пошли?

— Вперед.

Идут, идут. После одного из перекуров привычно направилась под уклон.

— Эй, геолог! Обратно повернула?

— Разве?

Впереди, позади холмы и холмы под желтой дорогой, лишь след от сумки показал ошибку. А как явственно тянуло туда, туда! Не к тому ли зеленому повороту? По солнцу же и определяться не стала, горе-геолог! Так. Солнце на юго-юго-востоке, в правую щеку, идем на северо-восток.

Уф. Вверх, вниз, песочек, суглинок. Солнце, солнце, солнце. Зеленая ветка от комаров. К землянике уже лень нагибаться. Ни голода, ни жажды, ни мелких нужд — ясно, что открылась «запаска», второе дыхание. А если бы не утренние разминки да не восточные занятия?

— Пошли?

— Вперед.

Соразмерный, ладный, с мальчишеской «капитанкой» над бровями.

— Устала?

— Я за этим ехала.

À la guerre comme à la guerre, на войне как на войне. Трудись, душа, трудись.

— Это последний подъем.

Да, как же! Гряда неумолима. Вверх, вниз. Март заметался. Или давно понял? Конечно, понял. Не думать, не ослабляться, кончиться и эта заморочка. *Испытание есть испытание, оно безлично.* Неожиданный шум мотора за спиной озарил надеждой — попутка! Ага, разбежалась.

— Мы на участок, на участок.

Ах, они так приятно сидят, две дамочки и мужичок, им так уютно в плюшевой тесноте, при чем тут потные туристы?

...В настоящих же, геологических, маршрутах случается такое.

Чуть замечтаешься в удобном седле, как попадаешь в страшный сон: карта и местность враждебны друг к другу: вместо горы — ручей, вместо болота — гора, все чуже, хищно, ужас вползает в душу — где я?! Или такое: все сходится до мелочей, все, кроме зимника, где намечена ночевка. И уже наливаются яркостью ночные звезды, и вознесенные вершины темны и бесстрашны, а отряд, ведя коней в поводу, все хлопает и хлопает в ледяной каше, спускаясь с перевала. Поди знай, что на прошлой неделе пастухи перетаскивали сруб за соседний выступ. Чтò им мелкомасштабная карта!

Главное, не стоять, идти, отрешенно, без жалости, сама хотьба — и цель, и спасение. Такова дорога. Путь.

Сейчас этот мрак свалился на Марта.

— Пошли?

— Вперед.

Песок-песочек.

— Давай помогу.

— Давай.

Вверх, вниз, вверх.

— Это последний подъем. Уже близко.

Мечется, жалеет ее, теряет силу. Ух, каково ему сейчас! А голос ровный.

Вторая машина. Аннета не подошла, пусть спрашивает наедине. Водитель описал рукой полукруг на юго-запад, в обратную сторону.

Итак, направо к озеру и деревне, оттуда еще пол-столько к дому Юрса.

— Это последний подъем.

— Седьмой раз слышу!

Грустно сказать, деревня: серые брошенные избы, одинокая курица. Вот поздоровались со старушкой на сером крыльце. За восемьдесят, бодренькая. Название деревни сообщили Юрсу, пусть мчитса на выручку, и в полночь из-за невозможности повалились на прибрежные мостки. Уф.

Тело не верило в окончание безумной ходьбы. Пришлось сознательно расслаблять руки-ноги, набирать силу в солнечное сплетение. Светлота воды бежала в глазах, плескались о столбики — плеск-плеск — мелкие волны, задувал ветерок и ширяли, ширяли — стрш-стрш — на твердых стеклянных крыльях сухие хищные стрекоты.

Юрс-спаситель уже спешил навстречу. Какой-то он?

— Давай-ка разгрузим твою сумку, — обстоятельно распорядился Март. — Теперь нас трое.

Продукты-угощения в один пакет, тряпки в другой. Сумка опустела, зато вся тяжесть набилась в пакеты.

— Брось тряпки, бери продукты.

Аннета расшарила глаза.

— Ни за что. Я женщина, и скорее брошу продукты, чем тряпки.

— О!

Шуточки, шуточки.

— Ааууу! — кричал Март

— О-о, о-о, о-о! — слышалось из леса.

Наконец, свершилось. Из зарослей вышел Юрс — полуседой бородатый Робинзон в очках. Высокий, худой, интеллигентный. Поэт.

— Ты куда забрел?!

Друзья обнялись.

И Аннета обняла его. На ты так на ты, к тому же под майкой был надет дорогой французский бюстик, упруго покоивший грудь. Этими холмиками она и коснулась его, чтобы тончайший поэт ощутил ее присутствие. Никакой любви, одно коварство. И он успокоился в самом себе, положил уши, а то «рвется какая-то»... Втроем стали ломиться сквозь прибрежные заросли, мшистые стволы, кочки, топкости. Пустую сумку за боковую ручку теперь тащил Юрс и радовался, радовался тому, что в первые неловкие минуты может быть гостеприимным, щедрым, одаривать морем ягод, красно-синие россыпи которых широко устилали обочины тропинки и выше по скатам.

— Берите горстями, ешьте, здесь много, самый сезон, — вот только нагибался за ягодой он один, гостей не привлекало уже ничего.

И снова бугры и топи, порубки красной осины по склонам, сплошные порубки, не выборочные, как раньше. Держаться... Аннета снова напрягалась. После отдыха ее охватила неодолимая лень, к тому же поклажа из сумки теперь отягивала и прельбозно резала пальцы ушками пакетов, свернувшимися в острые нитки. Воистину, заключительный бросок оказывался тернием всего пути.

— Последний подъем, — вдруг произнес Юрс перед очень крутым холмом, на который взбиралась дорога.

Как все напряжены!

Наконец, поднялись. Все.

На участке, лицом друг к другу стояли два деревянных дома с не-деревенски широкими окнами; кривоватая стелка шагов в тридцать, едва заметная в лиловой, в рост человека, траве иван-чая, соединяла оба крыльца. Поодаль виднелись дощатые постройки, улы, поленица. Справа, с южной стороны, обжитый дворик обрамлялся отступившими деревьями, за которыми царил серьезный северный лес с вековым укладом, охотничьими угодами, тот самый сказочный дремучий лес, какие по-прежнему шумят далеко от Москвы, мнящие себя главой всего что ни есть на Руси. С севера площадку обрзал крутой обрыв к воде, закрытой верхушками деревьев, растущих внизу близ берега, поверх них синела удаленная часть озера. И далеко округ теснились холмы.

Неужели пришли?

В первую очередь она грохнула на стол продукты. Уф. Потирая пальцы, огляделась. Дом был просторен, обставлен, обжит. Сени, кухня, горница, кабинет и соединяющая все русская печь посередине занимали его пространство. Широкий стол у окна, телевизор, компьютер, холодильник, под потолком опрятная толковая проводка — все умно, безопасно, по-мужски.

— Где поставить палатку? — уже хлопотал во дворе Март.

А она в сопровождении Юрса отправилась на постой.

Они вошли в такой же, на широкую ногу, деревянный дом, разделенный на прихожую, гостиную, помывочную, парную. Повсюду лежали пучки сухих трав, сборники стихов, краевой географический атлас, в углу на лавке пестрела стопка одеял. На узком подоконнике скромным подношением красовался в бутылке полевой цветок. Спасибо, он очень любезен, наш поэт. И запах, запах травы, запах дерева, лучший из запахов! Можно представить съезд гостей и пиры за длинным столом после парил-

ки с березовыми вениками, связанные охапки которых висели на стенах! *Славяне не только моются, но и хвощутся*, — докладывал поспавшим его Андрей Первозванный.

— Располагаясь, будь как дома, — и с этими словами закрыл за собою дверь.

...И вот я здесь, — Аннета глубоко перевела дух и провела ладонью по обструганной стене, — и буду здесь три неизвестных дня.

Вода в бочке была холодна до озноба, в озере не в пример теплее.

С продуктами уже разобрались, на столе красовались все ее припасы.

— Котлеты разогреть? Юрс, открой бутылку французского.

И когда чокнулись «с приездом», чокнулись «со знакомством», стали разговаривать, смеяться, открылись-расположились друг к другу, вот тогда ее выдержка на тех буграх осветилась по-новому. Простых путей не бывает, обеспечение доказывается постоянно. Она сидела на равных за щедрым столом, одетая в «тряпки», в бирюзовую блузку, светлую юбку с кружевами-оборками, с пестрой повязкой на светлой волне волос у шеи. Яркие наряды — ее благодарности жизни. Все получилось. И угощение понравилось, в особенности, тучные мясные котлеты.

— Из готового фарша лепила?

— Обижает, — ну и шуточки у него. — Круг говядины, круг свинины, соль, перец. Разве не слышно?

— Классные котлеты.

Кое-чему за жизнь научиться можно.

Белый котик тянулся лапками, заглядывал в тарелки.

Не только французское сухое, но и другие бутылки, «бальзам», по уверениям Марта, на крещенской воде, настойки на травах в цветных склянках украшали стол. Аннета качнула головой: ни-ни, ни капли сверху, пусть каждый миг до самого отъезда будет с ней, в ясности и благовоении.

Как хорошо можно жить! И как нелегко осмелиться!

— Почитай стихи, Юрс.

Он читал на память и с листов. Удивительно слушать поэта! Вершение духа, зеленый простор, и тут же компьютер и принтер, все сплелось и спелось. Одни листки были свежие, другие потрепанные, еще с пищущей машинки.

— Мне нравятся, Юрс.

— Составляю новый сборник.

— Удачи. Почитай еще.

И снова читал. Еще и еще. Утонченный этический Робинзон. Ее ровесник.

— Хочу спросить, Юрс... — мысли туманились, — стихотворение... оно зарождается из одной любимой строки? И равняется на нее? как оно приходит?

— По-разному бывает. Хороший вопрос. Выпьем за литературу.

Красное сухое исчезло, они разливали и пили «бальзам».

— Как твоя фамилия? — вдруг спросил Юрс.

Благодать минуты рухнула в один миг. Сказала. Она переглянулись.

— Знаменитая.

— Тезки. И я под псевдонимом. На сайте тоже.

— У нас в БПП? О чем ты пишешь?

Она метнулась в сени за припрятанным подарком.

— Вот, — протянула две чистенькие подпсаннные книги.

— О, Бакунин? Спасибо. Давно интересовал меня. А эта современная? Ну-ка, ну-ка... — открыв посередине, по-редакторски впился глазами, — слог хорош, язык чистый. Почитаем, почитаем, — было видно, что он и в самом деле рад новому чтению.

Они наливали и пили. Дым стоял коромыслом.

Юрс становился беспокойным. Оттого ли, что, застигнутый врасплох, он, изысканный, даже изысканный, досадовал на «лесной» вид и хопостяцкое житье-бытье, или чуял утаенное, а хотелось знать о ней все и сразу, то ли не прощаль нахального вторжения — в кои веки приезд друга! Причин множество, душа человека потемки. а уж поэта...

— Кто из общих знакомых тебя знает?

Однако, допрос. Аннета собралась.

— Грос знает, пол-Москвы знает. А в Литинституте знали все как самую красивую женщину.

— Верю, — миролюбиво кивнул Март, отчего голова его качнулась на грудь. — Покажи фотку.

Показала.

— Да, — усмехнулся Юрс. — Ажно больно смотреть.

«Ажно»... собирает словечки.

Они наливали и пили. Вдруг очки его сверкнули.

— Как Литинститут! — вскричал резко. — Ты же говорила, что геолог?

И торжествующе выпрямился. Пряди волос упали на прекрасный лоб.

— Эва! — ответила на ажно. — Когда это было! Сразу после школы, романтика костров и походов. А в Литературном... у меня уже семья была, сыночек четырех лет, самая мешалка.

— Так у тебя два института?

— Ну и что?

— ...а я и один не закончил, — он пьяно по-нурился.

Продолжение на стр. 5

ПРОЗА ПОЭТОГРАДА

АСТРА
ЛИЧНАЯ БИТВА

С улыбкой нежности она держала оборону. Слабо поймать ее на слове! И почему нужно ковырять до крови? Исповедь им подавай, полную родословную. Ну, бухни она правду-матку, они же отшатнутся! Не готова и она. Под цепенящим оком «возраста» любая женщина ... да и мужчины тоже. Работай, душа, работай.

Собеседники молча курили. Выплеснувшись, Юрс стих, смирился, сидел, покачиваясь, брови его подрагивали.

Вечерело. В просторных окнах напротив отразился цветной слоистый закат. Хорошо сидеть за таким столом, смотреть на холмы, на лиловые травы, на туго натянутую двухместную палатку. Захотелось петь. Запела. Поступок!

Окрасился месяц багрянцем,
Где волны бушуют у скал.
Поедем, красotka, кататься,
Давно я тебя поджидал.

Я еду с тобою охотно,
Я волны морские люблю.
Дай парусу полную волю,
Сама же я сяду к рулю.

Ты правишь в открытое море,
Где с бурей не справится нам.
В такую шальную погоду
Нельзя доверяться волнам.

Нельзя? Почему ж, дорогой мой?
А в прошлой, минувшей судьбе,
Ты помнишь, изменник коварный,
Как я доверялась тебе?

Они подхватывали повторы, и втроем допекали песню до ее мстительного конца.

И это сказавши, вонзила
В грудь ножик булатный ему.
Сама с обессиленным сердцем
Нырнула в морскую волну.

Почему в русских песнях столь сладостна гибель? Жизнь, смерть... как их разнять?

У себя в бане Аннета села в восточную позу. Взлет, растворение. Что принес день? О, день — сокровище, и, ложка дегтя — заноза от сданных билетов.

После успокоительного массажа постелила на деревянной лавке лицом к закату. Он почти угас, лишь тонкая полоска рдела вдали над холмами, выше них серо-жемчужные стайки облачков, сбегавшихся к вечеру, меркли, отдаваясь к темной синеве.

Новые люди, новый воздух... а мысли? Мысли прежние.

6 июля

— Ну-ка, ну-ка, что здесь за утра? — Аннета босиком вышла на терраску.

Светало. Пухлым белым одеялом были укрыты высокие травы с невидимой тропинкой, поленницей, ульями, в густом тумане, будто в молоке, утонули озеро и дальние холмы, и лишь серые очертания жилого дома да верхушки ближайших деревьев угадывались в расходящейся дымке, над которой сквозило и чуть розовело небо.

— Сыровато, — вздрогнула плечами, — через часок, — и вернулась в сухое тепло дома.

Ах, как заиграло все через час! Солнечные лучи заливали окна и крыльцо дома напротив, на седой стене иван-чая блистали крупные капли, сверкали, переливались драгоценными огнями, в двух шагах из-под обрыва дымилась и рассеивались рясные облака, а вдали, там, там за вершинами деревьев синел-синевел озерный простор. За одним этим стоило ехать!

От крепкого утреннего массажа, от холодной воды по-молодому загорелось тело. Живем! Никакой косметики, в лесу так в лесу, лишь три цветка лилового клевера в волосы под синюю ленту. Ах, как прекрасно можно жить!

Юрс уже стоял на освещенном пороге, а она подошла по мокрой тропке, размахивая руками и подвывая октавами.

Встала из мрака младая с перстами
пурпурными Эос;
Ложе покинул тогда и возлюбленный
сын Одиссея;
Платье надев, изощренный свой меч
на плечо он повесил;
После, подошвы красивые к светлым ногам
привязавши,
Вышел из спальни, лицом лучезарному богу
подобный.
Образ его несказанной красотой озарила
Афина,
Так что дивились люди, его подходящего
вида.
Старцы пред ним раздалися, и сел он
на месте отцовом.

— Гомер, — улыбнулся Юрс. — Как спалось?
— Отлично, — и подпрыгнула для убедительности. Он улыбнулся. — А скажи, Юрс, ведь здесь маленькая неточность, как на твои глаза?

Платье надев, изощренный свой меч
на плечо он повесил;
После, подошвы красивые к светлым
ногам привязавши...

— Сначала подошвы к ногам, потом меч на плечо. А? — счастье стихов и радость рассвета переполняли ее.

Он рассмеялся.

— Давай чай пить, редактор. К сожалению, не из самовара.

Да, чайник был электрический, зато вода... вкусная-превкусная.

— Из озера беру. Из колодца она другая, пенится почему-то.

— Из озера... — Аннета умилилась, — неужели остались такие места?

Солнечный свет лежал на столе, мерцал в воздухе, поджигал стаканчики и чашки. Как умно стоят дома: утром — приветствие восхода, вечером после бани — роскошное прощание заката.

— Если в комнате солнце, ты не один, — ее давняя любимая мысль.

Легкая перемена сделалась в его лице, глаза будто дрогнули. Осторожнее с поэтами!

Из своей палатки выбрался Март, тихий, утренний. Увидел клевер под синей лентой, нацелился фотоаппаратом.

— Смотри на меня. Вот, хорошо.

«Что он нашел? после той фотографии».

Они деловито разлили по рюмкам.

— По маленькой. Неужели не пригубишь?

— Ни-ни.

Юрс поставил перед Мартом миску щей, сваренных из трав.

— Он — здешний леший, — поведал Март. — Все травы знает. Даже сборник стихов сопроводил «Пособием травника».

— Самый ранний сборник, — отмахнулся Юрс. — Не слушай его.

Март хлебал деревянной ложкой. Он был голоден. Такой же ложкой Аннета с осторожностью черпнула из его миски.

— Давай из одной, — поддался он. — Дома с сыном всегда из одной едим.

— Вкусно. И будто кислые, и будто мясные. Из каких трав, Юрс?

— Из разных.

Еще ложка и они словно породнились. Какие мужики! Как просто, надежно с ними!

Вообщее-то, хотелось привычной утренней каши. Стученка была с собой, однако, ни овсянки, ни риса не нашлось, да и масла, поэтому, и по-другому тоже, решили прогуляться в магазин за те самые четыре километра лесом.

Идти, так идти. В опасении змей Юрс-лесник натянул сапоги, и они отправились. И едва отошли, как увидели домок за деревьями и кустами, крепенький, с чистым крыльцом, сарайчиком, выкошенный двориком, на котором тяжело поблескивала железная станина, похожая на массивный заводской станок. О, да они здесь не одни!

— Это дом Ромы. Приезжает на выходные.

Второй соседкой оказалась избушка у самого леса, с задернутыми занавесками, серая, неухоженная, заросшая выше крыши.

— Закрыта-заколочена и неизвестно — чья.

Приезжай и живи.

— Хоть бы картошку посадили.

А дальше начался тот самый лес. Зеленый сумрак деревьев, пронизанный дымными струнами солнца, яркий куст, облитый лучом посреди поляны, серый мох на стволах, заросли темного папоротника, прохладное касание ветвей орешника вдоль дороги. Преобладали сосны и ели, высокие, стройные, но встречались и березы, и сизо-ствольные осины переливались зелеными огоньками. Каково-то здесь осенью! А мох! Упасть бы на его ковер и смотреть, вбирать непостижимое покачивание вершин высоко в голубизне. Многожды за жизнь мечталось об этом, и каждый раз не хватало времени. Не хватает и сейчас.

Привычной летящей походкой шел Юрс по лесной дорожке. Он был у себя, в своих владениях.

— Лес — все мое добро, — говорил с невольной улыбкой, обводя руками. — Дышите, дышите полной грудью. Несказанная живая красота. Тишина, ажно звенит, даже птиц не слышать, а на той неделе гром гремел, лес шумел и стонал под грозой, а мне слышались хоралы и фуги Баха. Уверен: Иоганн Себастьян слушал свои дубравы, — он оборвал себя, избегая пышностей. — А русская музыка вся созвучна лесным голосам, — добавил для концовки.

И, словно откликаясь, со стороны березы вскрикнули звуки флейты.

— Иволга. Вон-вон, желтенькая, видишь? Флю-тиу-лиу, — просвистел красиво и точно, — фитиу-лиу.

— Аах! — восхитилась Аннета, — еще разок. Ну, пожалуйста. Дивно! А еще с кем можешь?

— Рябчика подманиваю, — и тонкий свист закончился трелью.

— Ты охотник, что ли?

Он дернул плечом.

— Баловался, стыдно вспомнить. Моя охота — свобода и вся эта красота.

Две плоские колеи, оживленные травяными островками, бежали под сенью леса по всхолмленной поверхности, вверх — вниз, вверх — вниз, но плавнее, мягче вчерашних. Предвещаем любви просвечивало озеро. Россыпи земляники вдоль дороги вновь соблазнили отдохнувших москвичей, они накиннулись, как дети, и ту, и эту, и другую, самую сладкую. Аромат! Набрать горсть и вдохнуть, закрыв глаза... бог знает, что задрожит в памяти.

— Берите, берите, ешьте волю. Грибочки оставим на обратный путь.

Аннета шагнула вбок, утопая в мягком темно-зеленом мху среди сосновых шишек.

— Хоть прогуляюсь, как раньше.

— Поваляйся.

— Неловко.

— А я люблю. Бывало, лежишь, как на перине, и смотришь, как вершины качаются.

— О?

— На «обходах», я же лесник. От земли силушка сама идет. Не жилось мне на одном месте.

— Везде побывал? — она и сама не на стуле просидела.

— Где леса вольны, с каждым пнем знаком. Так и прожил, вольный, как птица, без движимого и недвижимо.

Легко и беззаботно прозвучали его слова, как легко и беззаботно шел он по лесной тропе среди сосен-великанов, как ходил теми «обходами» с утра до вечера, поэт, мудрец, человек высокого строя, но ничего не укрылось за их легкостью, ни единой нотки: тяжкая десница общества на одной чаше и вызов личности, отстаивающей себя на поле духа, на другой, откачивались на его весах.

— Так у тебя два высших образования? — вспомнил вдруг с видом недовольного kota.

Ревнивец. Отрешен, как инок, а, пооди ж ты, укололся. Воистину, настроение его скачет, как та дорога!

— Тебя пора убивать, — продолжал. — Слишком много знаешь.

Ах, так? И Аннета высказала то, в чем уверилась давним-давно, произнесла занудно и твердо, по-преподавательски.

— Вся фишка кроется в очаровании слова «высшее». Именно, курс обучения в условиях пяти лет есть пятьдесят учебников, заученных в спешке за одну ночь, соответственно, пятьдесят экзаменов, сданных хотя бы на тройку, и диплом, чтобы допустили к работе. Отсюда, на выходе в голову молодого специалиста покоится коробочка сжатых сведений, весьма слабо соотвествующих многообразию мира даже в пределах избранного поля деятельности. И, то есть, видимости знания.

— Но Литературный?

— Юрс! Писать не научишь Единственно, в бурлении графоманской среды привыкаешь к «священному ужасу» в своей душе. Не более. Иначе с чего бы наш профессор вопрошал дрожжащий шопотом: «Вам не страшно писать прозу?» Поди-ка поучись у такого.

Они спустились в низинку.

По мелким колеям, густо усеянным чистой желтой хвоей, не ходили, казалось, никакие машины, и лишь в топкостях между буграми сохранились не первой свежести следы колес.

— Редкие гости. Кто да кто?

— Роман наезжает, — ответил рассеянно, — друзья, когда тяжело в городе.

Да уж, стол в бане предлинный. Веников хватит, чего-чего.

— Сдается мне, ты лукавишь, — завелся снова по-вчерашнему колко. — Признайся. Десять лет учебы... что-то не верится.

«Уф... Бывают ли поэты с крепкими нервами?»

— Ну, да, да, ты прав, кое-что есть, угадал, — и рассмеялась. — Именно, шансы, те, что берешь сама. В геологии это ничем не стиснутый день, весь твой с самого рассвета, дальние края, дипломная практика среди вулканов Камчатки, в Литературном — вслушивание в строй языка: наречия, предлоги, частицы... я и теперь тащусь от них.

Он фыркнул на словечко *тащусь*, но промолчал, худой, трепетный. Нет, она не даст себя сбить, выстоит в который раз! но как с ним сложно! А с нею легко?

— Кстати, Юрс. Слушай сказочку, как раз к месту. *Отдали Иванушку учиться на разные языки к одному мудрецу аль тоже знающему человеку, чтоб по-всячески знал: птица ли за поет, лошадь ли заржет, овца ли заблеет, ну, словом, чтобы все знал.* Как тебе такие знания?

Поэт улыбнулся.

— Согласен.

То-то. Что за воздух в лесу, что за легкость! и понимание с полуслова. Аннета запела. Степения не было.

Ой, ты, степь широкая,
Степь раздольная,
Ой, ты Волга-матушка,
Волга-вольная.

Любимая песня. Зачин, простор свободных а-а-а, о-о-о с утиханием в конце, будто далеко-далеко!

Ой, да не степной орел
Подымается,
Ой, да то раздольный казак
Разгуляется.

Ой, да не степной орел
Подымается,
Ой, да то раздольный казак
Разгуляется.

Ой, да не степной орел
Подымается,
Ой, да то раздольный казак
Разгуляется.

Ой, да не степной орел
Подымается,
Ой, да то раздольный казак
Разгуляется.

Ой, да не степной орел
Подымается,
Ой, да то раздольный казак
Разгуляется.

Ой, да не степной орел
Подымается,
Ой, да то раздольный казак
Разгуляется.

Ой, да не степной орел
Подымается,
Ой, да то раздольный казак
Разгуляется.

Сердце таяло. Радостно с ним. Какие мужики!

— Русланову не превзойдешь, — вздохнула с улыбкой.

— При чем тут, — возразил невозмутимо. — Мы тоже не промах.

С тропинки, бегущей по самой бровке, просматривался сверху вниз весь склон, быстро падающий влево, странно было видеть на такой крутизне пряморастущие под острым углом деревья — за что держались? озеро было скрыто листвою, но в самом низу, у подошвы, оно таинственно просвечивало сквозь чащу, и это свечение волновало, как и повороты лесной дороги, и молчаливое стояние векового леса.

Одну за другой Март кидал сосновые шишки в нарост застывшей смолы на сосне в десяти шагах. И попадал.

— Ну-ка я.

После трех на четвертый вдруг попали вместе.

— Ура! Это живица, Юрс?

— Живица. Гашивал я у смолокуров. Слышала о таких?

— Мало.

— Отменные мужики. А язык! Признаюсь, не для дам.

Они спустились в очередную низинку. Следующим своим мыслям на нескольких уровнях сразу, у задумчиво проговорил, обходя запекшуюся лужу.

— Среда скоро обтесывает. Даже в Нижнем буфете.

И посмеиваясь, наклоняясь за ягодой — семь спелых на одном кустике! покусывая горькие иглы соснового подростка, они заговорили о завсегдашнем Нижнего буфета, о сложившейся там субкультуре выпивающих писателей с их многолетними счетами между собой — кто хитрит, кто угощает. Юрс выпивал со всеми, Аннета помнила двух-трех.

— Ты видела книжку Гроса обо всех, с кем он пил?

— Нет еще. Интересно?

— Сотни имен! Всех описал, кого по-божески, кого... не дай бог!

Наверняка, сам Юрс не пропущен.

— В книгу Гиннеса не попал?

— К сожалению.

— Лет через сто ей цены не будет. Как думаешь, что им двигало?

— Вдохновение, что еще. Оно заказывает, не увернешься.

Они остановились. Поперек дороги у промоины во весь свой рост лежала пышная красавица-береза, упавшая день-два назад, душистая свежая листва ее блестела и еще не поняла своей беды.

Обходить пришлось по колено во мху.

— Запустили лес, никому не нужен, — ворчал лесник. — Древоустой не пилит, что упало — гниет, валежник в три слоя... Им нефть нужна, а лес... растет и ладно. Как можно видеть в нем одну древесину?

Упавших, замшелых деревьев валялось и впрямь немало, и поперек дороги тоже, распиленные, растащенные в стороны, будто на таежной тропе.

— Не паркет. Сумочки твоей не хватает, — прикалывался Март.

Желтая дорога не отпускала его. Она пролегла где-то справа, за сосняком, дорога жесткого испытания.

А вот и зеленый поворот, милая полянка с песчаным просветом в камышах.

Лес кончился внезапно, и сразу попали в другой мир. Хлынули свет и зной, распахнулись дали с зелеными волнистыми холмами, над ними пухлые вереницы белых облаков, напоенных теплом. И серебряная стрела сотовой связи, устремленная в голубизну прямо с луговых цветов.

К одностажному желтенькому магазину у шоссе спешили, как в желанную прохладу. Чистота, набор продуктов — все как у людей, как нынче в любой глубинке, где давно не встретишь сплишующую карамель, запахи мыла и селетки. Необычна лишь сердечность встречи.

Юрса здесь любили. Заодно приветили Марта и Аннету. Мужички выпили шампанского, чего-то еще, Аннета перебежала к остановке автобуса на той стороне. 11.30. Послезавтра. На обочине стоял табурет, на нем стеклянные банки с земляничкой и березовые веники, личный доход подростка-сыночка Таси, хозяйки магазина.

— Вот где я ждал вчера, мы видели, как свернула ваша машина, — показала Юрс на крыльце.

Ждал! Почему же Март согласился на такси, потерял деньги, сдавая билеты? Из уважения? «Там разберемся»

Она посмотрела на Марта.

— Напрасно ты купила обратный билет, — уклонился он, — погорячилась, скажи прямо.

— Кто мог знать, как все будет. Четыре дня — немало.

Тася с улыбкой смотрела на Аннету. Невысокая, светловолосая, она была сдержана и приветлива.

— Приезжай осенью по-знакомому, — их вчерашние злключения были уже известны.

— Я тебе книжку привезу. Про нас, женщин, наши истории.

— Почитаем.

От нее веяло спокойной уверенной силой.

Тут же крутилась пьянящая молодая бабенка в розовой блузке, красных брюках, чистая, ухоженная. Валя. И хвасталась, хвасталась без уговому.

ПРОЗА ПОЭТОГРАДА

АСТРА
ЛИЧНАЯ БИТВА

— Я заработала и купила два дома, машину, участок, у меня двойная пенсия, муж служит, сын при деле. Вот я какая! Всего достигла!

Нельзя было не согласиться, что она выполнила все условия, предлагаемые обществом для счастья и благополучия, и это стоило ей неусыпных трудов, ее можно было уважать. Отчего же так егоязвливает? Почему доказывает?

На обратном пути присели отдохнуть в обветранном уголке.

Была самая вершина летнего дня. Великий свет стоял в мире. Замерли сосны, в недвижную влагу озера смотрелись облака, до последней камышинки отражался заросший, весь в хвойных верхушках высокий берег напротив, с белыми нитками сухих стволов. Ты ощущаешь мир вокруг тебя? Иначе мир теряет смысл.

Разулись, расслабились.

— Купайся!

— Сам купайся.

Он и искупался, соразмерный, ладный, с плоским животом хорошего мужчины. Как же его жена любила своего складенького, своего уважительного! И тельняшка при нем.

А он с шельмовской улыбкой чуть не спихнул ее в воду.

— Купайся! Мы закроем глаза, отвернемся.

Размечтался. Да, она холит и лелеет свое тело, единственное земное имение, но у нее уже внуки! Или запамывал?

Родниковое мерцание струилось от водной глади, навевая желание оцепенеть и рассеяться в воздухе. Ни один лист не дрожал, все замерло, лишь вокруг Юрса кружились бабочки-махаоны, опускались на голову, плечи, по две, по три, раскрывали и закрывали шоколадные крылья. Знаки, благословения.

— Отсюда, отсюда, — приседал фотило.

Касаясь плечами, Аннета и Юрс сидели рядышком под сосной, трава приятно ласкала подошвы. «Кореша. Ишь я не женщина?» — и ласково опустила руку на его плечи.

— Вот, хорошо. Отличный кадр

...Вдруг она поняла. Если в прошлом году Юрс привез или встречал друга на крыльце магазина, и они также выпили на радостях, еще и еще, то попробуй-ка Март запомнить дорогу! И задачи не ставилось! Как ни крути, вина ее: он был ведущим, при чем тут какая-то машина? И потерянные им деньги тоже на ней, а чужие деньги — не хухры-мухры, свои отдашь.

Обратную дорогу под зеленой сенью леса прошагали как бы заново. И видели иное. Бои здесь, на западной границе, шли смертные. Обветшалые окопы, ходы. Таким же летним днем их рыли молоденькие мальчики, в своих единственных, непрожитых жизнях, а сейчас из тех ям равнодушно поднимались зрелые сосны. Безумие страха, алчбы, гордыни — как еще понимать войну? Недаром в Космосе чешут в затылке, теряясь в догадках: «Разумные? Неразумные?».

Я знаю, никакой моей вины

В том, что другие не пришли с войны,

В том, что они — кто старше, кто моложе

Остались там, и не о том же речь,

Что я их мог, но не сумел сберечь,

Речь не о том, но все же, все же, все же...

После пяти строк логических оправданий единственная строка — совесть, она и перевешивает.

— Твардовский, — глухо отозвался Юрс, не оборачиваясь, — Я его встречал.

Аннета тоже помнила его. По редакции «Нового мира», когда он проходил узкими коридорами, а она получала в окошечке уж-жасно обидные отзывы на свои ранние рассказы. А Шолохов, к стати сказать, вообще был частым гостем в Литинституте, она имела честь стоять с гением на одной половинке. Да как поделишься? Они мигом вычислят ее года.

Мужчины шли молча. Для них война не кончается, не зря тельняшка, не зря защитная одежда, не зря сапоги.

Зато масла, маслята, средненькие, совсем юные, «не наши ли дожди достигли сюда?», глядели с обочин из-под молодого ельничка. Непросто выковыривать их из сохшейся подстилки.

— Клади, клади поклоны, грибы их любят, — приговаривал Юрс.

Вот и серая избушка.

— Как яблоки созрели, кабаны здесь клыками роют, самое для них угощение. Лиса забегала, смотрела на меня. Хорь кота пугает.

— Серьезные ребята.

Дома мужички тотчас разлили по рюмкам, Аннета — чаю, чаю. С конфетами, печеньем, дешеными пряниками, неделю готова жить на конфетах и пряниках. Слов нет, она изрядная стряпуха, но, вместе с тем, неделю на пряниках — легко! Приятно попить чайку с дороги, да обурили, как пчелу! Что они делают со своим здоровьем?

Поднялась.

— Хоть отдышаться на крыльце.

— Постой. Покажи свои работы, — Март пересел к компьютеру, спокойный, сосредоточенный. Как они справляются с хмелем? будто ни в чем не бывало.

Это были отчетные снимки его ульяновской командировки, повесть о людях дела для журналов «Люди дела»: сильное хозяйство, молочная ферма, распаханные под горизонт поля.

— Вот директор, гляди, настоящий хозяин! Всего двести пятьдесят человек у него, а размах на тысячу! Сейчас в замы ушел, передал сыну. Что за земля! чернозем! гляди, гляди.

В самом деле, вспаханная полоса ярко чернела на всходах.

— Может, подыдемся, а? — но они промолчали. — Полезно работаешь. Хоть на людей посмотришь.

— Он еще и статьи пишет, — похвалился Юрс.

— С твоей помощью.

— Неважно.

— Дай почитать.

— Потом. Сейчас в движении покажу, со звуком.

Но в движении не удалось, как не кликали. Его очки остались в палатке, она предложила свои, что свешивались с шеи на голубой ленточке. Ну, совсем породнились! Счастье смеялось в сердце.

— Вот, хорошо. Нет, не открывается.

— Памяти мало, ноутбук малосильные. В Москве досмотрим. Неси статью.

Они вернулись за стол, а она уселась на крыльце.

На листе А3 между картинками струились тесные абзацы. Они подхватывали и мчали, меняя скорость, будто в машине, когда несешься мимо березовой рощи, а она, светлая, многообразная, кружится и перестраивается.

— Прекрасно написано.

С этими словами она шагнула через порог. Март чистил грибы. Вымыл руки. Оказался напротив нее, складный, собранный. И вдруг они обнялись, крепко, доверчиво, ее мгновение было первым, он отвечал. Холмики прильнули к его груди, тела слились, световые волны смешались, их качнуло, унесло. Ни-ни, ничего такого, но руки мужчины скользнули с ее талии к бедрам, а она томно качнула ими, лебедино подняв руки.

— Сммотри, смотри в объектив! — закричал Юрс, снимая на «мыльницу».

— Еще и смотреть надо?

— Все задохнулся от смеха.

— Еще раз, — сказал Юрс. — Вспышки не было.

— Это он для меня, — шепнул Март и опять крепко и нежно обнял ее. — Смотри, смотри на него.

Рассмеялись. О, счастье, как ты обольстительно!

— Все, все. Ушла.

Уже на тропинке настигло — фол! Не дай бог! Эти возрастные любви хуже горящих торфяников с их дымом и чадом. Срочно, срочно. Села, сосредоточилась. Усилие, вихрь... справляйся, душа... и мутная тяга, всколыхнувшаяся в объятиях мужчины, нехотя рассеялась, сменившись на просветленную внутреннюю оптику. Спасена.

Так. Теперь следовало поджидать Марта. Может ли мужик оставить дело? Опыт всей жизни с улыбкой подсказывал, что нет. Разберемся.

— Кха-кха. — он вошел без стука, покачиваясь. — Э-э... нужны твои очки. Там... день рождения одного поэта... хотим поздравить, — отважный десантник едва разлеплял глаза.

Протянула ему. Свободная, спокойная. Только так.

Почти без сумерек в дивной музыке тишины длится северный летний день, и глядится, глядится в вечер, и не видит его. Приятно думать о лежанке. Всегда тянуло посмотреться в облака и никогда не хватало времени. Чем мы так заняты? Вот влывает, полупрозрачное, похужее на акварельный мазок, и рассеивается в голубизне. Муха звенит и бьется. Не страшно удариться с размаху о невидимую преграду? а муха ползает по стеклу! Как выживают неразумные. А разумные... ищут смыслы и смыслы.

Новый звук. Мотор. И морда черного джипа вломилась в качнувшиеся травы. Здравствуй, давно не слышали. Это Роман с другом прибыли на выходные. В две минуты раскидали доски, взгруздили лодку и почти свалились с откоса к озеру.

Время действовать. Додать водички в бутылку с цветочком, подмести пол и, соскучившись по ребятам, по-домашнему в халатике отправиться в гости.

Оба спали, на сковородке трещали грибы. Как это похоже на мужчин!

— Эй, мальчики!

— Ах, ох!

И тут благая мысль, пять копеек на общее дело, осенила ее. Действовать. В два белых пакета уместилась вся запущенная посуда, рюмки, чашки, миски, ложки, вилки, тарелки, кастрюли, сковородки, все, что ожидало мыла и губки; с бидоном для озерной воды, погримывивая пакетами, стала спускаться вслед по свежей колее, уворачиваясь от острых листьев и колочек, в диком запахе жестких примятых стеблей, бросая по сторонам «геологические» взгляды. Верхний уступ был, само собой, крут, градусов в шестьдесят, и сплошь задернован бурьяном, под которым не разглядишь строение обрыва, к подножью, где скапливается осыпной делювий, спуск завершался мягким уклоном.

Вот и машина. Лодки не видно.

Первым делом — зайти подальше за чистой водой. Мягкая, живая. Потом — расположиться на двух неровных, «недоделанных», валунах, мимо которых вилась тонюсенький ручеек. Судя по светлomu песочку в его вилосе, он сочился из водоносных прослоек в толще, слагающей кручу. Не близко ли к краю стоят дома? Не всегда ж озеро тише овечки, скальные стенки и те валяются, а тут рыхлый моренный покров. Эх,

дороги... давненько не мыла посуду на берегу! С мылом и песочком, в наклонку по-бабьи, на коротках, на одном колене, на другом, как ловчее — принялась мыть и тереть, мыть и тереть.. А комаров над водой почти нет. Бояться, что ли?

Покойно светлело озеро, отражая перистые разлетевшиеся облака, слегка подрумяненные вечерней зорькой. Если лечь на песок у самой воды, вровень, можно увидеть озеро с ребра, в бугорках мелкой зыби.

Le silence.

Молчание.

Мыть и тереть.

— Кха-кха!

— Стой, кто идет?! — обрадовалась, как родному.

Но же же? Разберемся.

И опять терла и терла. Уж эти кастрюли, сковородки! Давно уже, сияя чистотой, красуются на валуне чашки-ложки-тарелки, а с этих злыдней и ножом не срежешь. Любуясь на светлую гладь воды, на отсветы, на дальние кудрявые берега, наслаждаясь теплом и необъятностью мира, Аннета в очередной раз выпрямилась отдохнуть, как вдруг заметила лодку. Далеко, у зеленого мысочка, маленькую, как щепка. Уф... возможно ли отодрать сковородки? Или придется скоблить? Рашпиль нужен. Сильное слово — «рашпиль».

А лодка уже и вот она. Два дюжих молодца подвели ее к береговому песку, шагнули в воду. В руках первого, высокого, дородного, хищно очерилась тяжелая рыба, гордость и счастье любого рыбака.

— Вы можете сварить нам щуку? Смотрите, что за краса!

Теток в халате принято задалживать по хозяйству.

— Сварю. Без проблем.

Они стали втаскивать лодку на берег. Посторонившись, она случайно, мельком, женским взглядом оглянула его мощное мужское достоинство под мокрыми плавками. Уф... трессы. Он с ухмылкой скосил глаза.

Друг его забрал из лодки рыболовные снасти, зажал в ладонях, с неловкой улыбкой понес к машине.

— Щуку из ухи, — и поправился. — Уху из щуки.

Волнуется. Такой здоровяк.

— Рыбу прихватите наверх. И бидон с водой, — холодново распорядилась Аннета.

Мотор взревел, машина жуком поползла вверх по склону. Вот для чего они, эти мощные джипы.

Уже вилась в воздухе легкая сумерки, деревянная корма лодки была суха и словно создана для созерцания лицом к воде. На мгновение, на два отдрогивается завеса... Исчезнуть... в свой час... в неведомое, безличное... там вспомнить себя. Кубический сантиметр шанса. Правда, ДХ?

Наконец, поднялась и с чистой посудой взобралась по темной сыпучей крутизне.

Довольный Юрс принял пакеты. Откуда-то явился Март.

— Ты где был? Я же окликнула.

— В засаде сидел. Два часа. Под комарами.

— Зачем?

— А ты бы полезла купаться, а я бы выскочил с фотоаппаратом, и никуда бы ты, милая, не делась, ничем бы не прикрылась.

«Вот упас господь!»

— Ох, десантник, ох, десантник.

И вновь хохотали до упаду.

Юрс расставил по местам чистую посуду.

— Ребята приглашают посидеть. Хорошие парни, в Чечне воевали. Сейчас пойдём.

— Без меня.

— Почему? Им будет приятно.

— Не хочется.

— Они тебе дурного слова не сказали, — возмутился Март. — Я слышал. Пошли.

— Уй.

— Да в чем дело-то? Приглашают. Хорошие ребята. Что случилось?

— Н-не так посмотрел.

— У-уй...

Она остерегается. Хорошие парни, да, но... je sais qu'il sait que je sais: «я знаю, что он знает, что я знаю», золотая цепочка. Нет, нет. Ради чистоты.

...Черных ночей здесь не бывает, а так хотелось тесноты Млечного пути, когда все звезды смотрят на тебя, зная, что напишешь о них! За звездами следует отправляться на юг.

...Они подъехали за полночь. Посветили по окнам, посиналили. Излишне беспокоились, господа.

7 июля

Утро, прекрасное утро, берег как будто в тумане. Так они и живут здесь, туманы, росы, их нездешние огни. В пять утра понимаешь птиц и деревья. Счастливо ходить к Юрсу, чистому высокому поэту. В сенях, сменяя туфли после мокрой тропинки на свои красные тапочки, услышала из-за стенки.

— Вам налить?

— Даже не называя, что именно?

За широким столом сидели Роман и «добрестные ouvriéres», как выразился бы Мишель Бакунин. Разговор шел о литературе.

— Аннета, присоединяйся, — закричал Юрс. Он был говорлив и нервен. На нем красовалось нечто малиново-блестящее, светски-небрежное, вроде старой пижамы. — Должен ли поэт участвовать в политике?

— Там столько зла... Спроси что-нибудь полегче.

— А Маяковский? — посмотрел Роман с улыбкой случайного и скромного собеседника.

— Отличный пример! — вскинулся Юрс. — На политике он и погорел, согласившись с казнями. Смотри, куда его заносило.

Сукин сын Дантес,

Великосветский шкода!

Мы б его спустили: ваши кто родители,

Чем вы занимались до семнадцатого года?

Только бы того Дантеса и видели!

— А потом казнил сам себя, — он сокрушенно поник, даже сгорбился. — С Поэзией шутки плохи.

Аннета налила себе чаю в чистую-чистую чашку. Под солнечным лучом он янтарно озарился, источая аромат.

— Бери меду, — уловил Юрс. — Я откачал в мае из обоих ульев. Чистейший, с луговых трав.

Он говорил и говорил.

— Сейчас новая беда: засорение языка американскими обезьянками, — видно было, что он ценит общество соседа, да намолчался в одиночестве, продумывая глыбы мыслей и строк, что радуется беседе, ее прихотливому течению. — Именно, именно! Теряется тончайшее сокровище слова, я не понимаю, о чем говорит молодежь! а появление мата на печатных страницах вообще неслыханное кошунство, конец литературы. Все! Изящная словесность — ау, до свидания!

И требовательно взглянул на Аннету: не молчи! Она спустила в разговор.

— Не совсем так, — постелила мягко, но с жесткими посылками. — Мат — чувство, сгущенное в твердость, в силу. Весь мир это знает. Обезьянства... машина языка древних руссов подомнет их так, что и не узнаешь, а насчет сокровений... не расстраивайся, никуда они не денутся. Это молодая игра в разбойники. Ну-ка, переведи: «Сразу догонишь, как на лям разведут».

Роман так и дернулся от неожиданности и безудержно заулыбался. Юрс запустил пальцы в полуседую бороду и с неудовольствием подергал.

— Птичий язык.

— Ты вхож на форумы Интернета? Как там играют корнями, как сохраняют дальние первые смыслы! А свежесть, свобода, никаких оглядок! Забьем стрелку у ноги. Что я сказала?

— Бред и бессмыслица.

— Совсе нет. «Забьем стрелку» означает встретимся, «у ноги» — у памятника того же Маяковского. Стрела, стрелка, стрелять, встреча, стрелка, стремление, — корень стр. Слова любят и сами выбирают друг друга.

— Тонкая мысль, — кивнул Юрс, — но это же упрощенка, как ты не видишь? В ней невозможно творчество. Безнравственное издевательство, губительное для русского народа. И не возражай, — он рубанул рукой.

Она поставила чашку. Так. Согласиться с отчаянием мужского рассудка означает потерять все. Не дожидаться.

— Это другой пласт, — произнесла с вкрадчивой твердостью. — Неужели ты полагаешь, что язык отстанет от времени сейчас, в пору неистовых взрывных смыслов? Да никогда! Вот подожди, придет гений, высокий мастер, и речь заиграет бриллиантовым искрением.

— Нет и нет. Не убедись.

— А Венчик Ерофеев?!

Роман поднялся. Высокий, внушительный.

— Согласен с вами, — посмотрел на Аннету. — Ты не прав, Васильич.

И ушел. Март посмотрел в окно ему вслед. Бравый десантник не ввязывался в словесные бои.

— Раков отправились ловить. Вот как надо отдыхать! — и вдруг накинулся на Аннету. — А ты уезжай! Погорячилась с билетом, сознаться. А завтра воскресенье, магазин закрыт! И проводить по-уму не получится.

Он был безутешен. Аннета улыбалась, глядя в чашку. Какие ребята! Если честно, то при всей хваленной красоте о ней никто никогда не заболит. И в голову не приходило. Почему? Слишком сильная да шибко умная, что ли... От нее принимать, да, не отказываются и поныне.

К счастью, выход нашлся.

— Нужно запастись. По-уму, так по-уму.

Они воодушевились, точно пацаны, собрались в минуту, для милого друга семь верст не околица. Юрс дал последние наставления.

— Будешь потрошить щуку, печень сохрани отдельно. На охотничье время не трать, а с карасей чешуя сама сходит.

— Меня медведь не утащит?

— А-а, это, — Март бросил в траву нечто, с треском взорвавшееся. Игрушка десантника? — Теперь не утащит.

Мужчины всегда мальчишки. Риск, размах, чтоб быть заняты, чтобы было понятно и не страшно. Зато в женщине врождена забота о мужчине, она идет себе, равновесная, подпитывая их жизненной силой. Большую часть совокупной энергии привносятся женщины.

На дворе трава, на траве дрова, посидим-ка тут посреди двора. То-бишь, на поленьях. Царица рек и озер, пестрая щука была, как и положено, одна, зато мелкоты десятка три. Весело рыбачить при таком клеве! Уф! а мух, слепней! Как все настоже, как плотно в мире, мигом слетелись! В стихах Юрса шмели гудят музыкально, «в басовом ключе», а ей напоминают самолеты. А их, к стати, здесь и нет, за три дня пролетел один-единственный, крохотуля поднебесная, с белым тающим хвостом.

ПРОЗА ПОЭТОГРАДА

АСТРА
ЛИЧНАЯ БИТВА

В геопартиях мужички тоже рыбачат, ночью, на горных реках, возвращаются с уловом, мокрые, бессонные, пьяные.

— Мы ловили, работали!
И женщины садятся чистить эту рыбу.
Тихо, безмолвно. Чудо летнего дня. Купы деревьев словно замерли в ожидании. Как осознать их? Возможно ли?

Легко сходит чешуя с карасей. С окуньков, да, не сразу. Ублажив потрохами белого котика, угостив мышку, чей носик мелькал в щелке, Аннета закончила раньше, чем ожидала. Скомкала газету, помыла-прибрала, чтобы комар носу не подточил со своими мухами.

— Встречай мужиков, красавица!
Вперед вышагивал худой бородатый Юрс, за ним поспешал Март с сумками. Э, да это известная пара, Рыцарь печального образа Дон Кихот и его верный оруженосец Санчо Панса! Все сходится. Они принесли бутылки на сегодня и на завтра. Отдышавшись, под звон рюмок поели молодой картошки с луком и вновь стали веселы и безоблачны.

Тусклым серебром блестела в миске заливная вода хищная рыба. Юрс потирал руки.

— Я сварю вам рыбацкую уху, чтобы юшка была. Главное, не давать кипеть, пусть станет прозрачной. Однажды я...

Март разливал да разливал, по маленькой да по маленькой, по тридцать граммов.

— Будешь?
— Ни-ни. Зарок.
— Так и не испукалась?
— Боялась, вдруг выскочишь из кустов.
— Много потеряла.
— Я не туристка.

— Она паломница, — произнес Юрс.
Волна серьезности толкнулась в грудь. Они посмотрели друг на друга. Как не хватает ей мужского понимания! Глубинная неудача жизни — отсутствие сотрудничества с мужской высокой уравни. Ах, как бы как взлетела!

Он уложил щучу в кастрюлю, залил драгоценной водой и щелкнул плитку на самый слабый нагрев.

— Добрая будет юшка.
— Как на Байкале? — Март мечтательно вздохнул.
— Там тройная, на костре, с дымком.
— Помню, помню.

Счастливым, предовольным, он сидел, навалившись на стол, широко расставив локти, в голубых глазах плескалось такое благодушие, что хотелось приложить ладошки к его ушам и приласкать, хорошего, верного. Поймав ее взгляд, он выбрался из-за стола, невысокий, соборный, встал напротив, как вчера.

Склонив голову к плечу, Аннета любовалась им с чисто материнской лаской.

— Ты помнишь, как приходил ко мне?
— К тебе? Не помню.
— Да, конечно.

Его шатнуло. Держась за косяк, он ступил в кабинет, упал на топчан лицом вниз и заснул.
Юрс курил. Тончайшее выражение освещало лицо. Она присела на стул.

— Душевно прошлись?
Представился покатым лесной склон, зеленые солнечные пятна.
— Душевно... — поэт был задумчив и тих.
— Почитай свое.
— Не время.

Сплета пальцы на колене, он мерно покачивался.

— Здесь на опушке... мы вчера проходили... будет моя могила. Высоко, тихо. Уединенно.

Мягкая травка и мелкий песочек возникли перед глазами.

— Часовенку бы поставить, — чуть слышно прошептала она.

— Поставим. Несколько нас. Почитаю тебе из Хименеса.

И я уйду. А птица будет петь,
Как пела,
И будет сад, и дерево в саду,
И мой колодец белый.
На склоне дня, прозрачен и спокоен,
Замрет закат, и вспомнят про меня
Колокола окрестных колоколен.
С годами будет улица иной;
Кого любил я, тех уже не станет,
И в сад мой за беленою стеной,
Тоскуя, только тень моя заглянет.
И я уйду; один — без никого,
Без вечеров, без утренней капели
И белого колодца моего...
А птицы будут петь и петь, как пели.

Свет и покой струились вокруг. За окном сонно стояли лиловые травы.

— Спокой, Анюта.
Она кивнула.

Поднявший меч на наш союз
достоин будет худшей кары.
И я за жизнь его тогда
не дам и самой ломаной гитары.
Как испуганно ищет мир
нащупать брешь у нас в цепочке...
Возьмемся за руки, друзья,
возьмемся за руки, друзья,
чтоб не пропасть поодиночке.

— Окуджава, — приподнял голову Март.
— *Чтоб не пропасть поодиночке...* — вздохнул Юрс.

Среди совсем чужих пиров
и слишком ненадежных истин,

не дожидаясь похвалы,
мы перья белые свои почистим.
Пока не грянула пора
нам расставаться понемногу,
возьмемся за руки, друзья,
возьмемся за руки, друзья,
возьмемся за руки, ей-богу.

— Спокой еще.
— Давай вместе. Из Коли Рубцова.

В горнице моей светло.
Это от ночной звезды.
Матушка возьмет ведро,
Молча принесет воды...

Красные цветы мои
В садике завяли все.
Лодка на речной мели
Скоро догниет совсем.

Дремлет на стене моей
Ивы кружевная тень.
Завтра у меня под ней
Будет хлопотливый день!

Буду поливать цветы,
Думать о своей судьбе,
Буду до ночной звезды
Лодку мастерить себе...

— Как просто, — глаза Юрса покраснели.
— Учился в Литинституте. Пораньше меня.
— Спокой еще.
И вновь из Коли Рубцова. Печально, чисто.

Я буду долго
Гнать велосипед.
В глухих лугах его остановлю.
Нарву цветов.
И подарю букет
Той девушке, которую люблю.

Я ей скажу:
— С другим наедине
О наших встречах позабыла ты,
И потому на память обо мне
Возьми вот эти
Скромные цветы! —

Она возьмет.
Но снова в поздний час,
Когда туман спускается и грусть,
Она пройдет,
Не поднимая глаз,
Не улынувшись даже...
Ну и пусть.

Я буду долго
Гнать велосипед,
В глухих лугах его остановлю.
Я лишь хочу,
Чтобы взяла букет
Та девушка, которую люблю...

Горло перехватило. Жалко, жалко всех. И Булата, и Коло, и ребят... Но ведь все не так!
Юрс плакал. Март лежал отвернувшись.
Э, так не годится. *Женщины, дарите радость!*
Выйдя на середину, она раскрасила руки и с приоткрытым ртом завила «Камаринскую».

Ох ты, бабочка
Молоденькая,
Чернобровенька,
Хорошенькая!
Ох, не ты ль
Меня высушила,
Ай, без мороза
Сердце вызнобила?
Ой, да по буйной,
По головушке,
Причесалась, звала
В гости побывать.
Побывавши, звала
Вместе погулять.
Эх, гуляй, гуляй,
Удала голова,
А разливалась,
Разливалась вода,
Заливала
Все болота и луга.
Оставался один
Маленький лужок,
Столковался по мне
Миленький дружок!

Вот он, русский Хаос! О чем песня? Глупый вопрос. Сверкает, взметает, все есть, все родное.

Закончили в пляске с Юрсом под ручку, топчась и кружась по избе. Во!

Через час заглянула на уху. Юрс спал, Март спал, кастрюля с рыбой кипела ключом. Так они и теряются, шансы, один за другим. *Как это похоже на мужчин...*

— Эй, повара!
Юрс вскочил.
— Ах, ах. Ладно, садись за стол.
Он научил справляться с костистой щучкой: надо отломить кусочек белого мяса и щепотью вынуть хвостик тонких иголок. Мягко и вкусно.

Напитать глаза красотой. Аннета брела изгибами дороги навстречу склонявшемуся светилу, веерными лучами бьющего сквозь деревья. Белый котик молча провожал, потом исчез. На пустынных тихих полянах лежали длинные тени. Что-то, что-то... Леса вековые, потомственные, на исконных земляных холмах.

Смотрят. О чем они? В чем шанс происходящего, без чего невозможно уехать? Трудись, душа. Светлый ток... ну... предвестие понимания. Завтра, на этом месте. Что-то откроется...

На обратном пути встретила Юрса. Гулял, один. Некоторое время шли молча.

— Почему так волнуют изгибы дороги? — произнесла она.
— Тебя тоже?

Из бурьяна осторожно выбрался белый котик.

— К кому подойдет?
Ревнивец.
— К тебе, конечно, к хозяйну.

Дорога привела к «последнему подъему». Когда это было? Господи, позавчера. Юрс был нежен, почти прозрачен. Таким он бывает в своем уединении?

— Вдруг высоко прошли «Темные аллеи», до словечка, до печали. До восхищения, — проговорил тихо.

— Священное волхование. — Аннета всегда склонялась перед Буниным. — А знаешь, едва он, наконец, был разрешен, проза его ошеломила и придавила советских писателей. В их числе был и Юрий Казаков. «Когда на меня обрушился Бунин с его ястребиным видением, я просто испугалась».

— О, Казаков! Я знавал его.
— Тоже в Литинституте учился. Давно.

Если бы не жалкая мартышкина истерика, ей было бы что вспомнить, хотя бы испуганный телефонный звонок Юрию Казакову на первом курсе, в пору наивной отваги. Казаков был хмур, удручен смертью отчима, читать ее рассказ отчаялся сразу, но трубку не бросал.

— Сколько вам лет? В ваши годы я был всемирно известен. Писать рассказы на Руси после Чехова, Бунина, Толстого... зачем вам? Наполнить страницы толстых журналов?

Она было отчаялась, но по строптивости, по внутреннему чувству продолжала и состоялась, в свое время, в свою меру. Зато через прочтенное у него, встреченное позднее у Бунина, у Иоанна Дамаскина, ощутила раствор мужской души: «...Плачу и рыдаю, егда помышляю смерть, и вижу во гробех лежащую по образу Божию созданную нашу красоту, безобразну, и безславу, не имущу вида. Оле чудесе!»

...Последний закат потухал над холмами. В его зареве четко рисовались дальние деревья, выше них стояло и меркло на глазах многоэтажное, выстроенное ввысь облако, похожее на ямщика в мохнатой шапке. Соседи появились поздно. Роман оглянулся на ее око, и она тихо рассмеялась на своей подушке. Он был в майке навыпуск, совсем закрывшей плавки.

8 июля

Что? Что должно понять? Смотреть, смотреть в высокую крону, подняв прямые ладони. Душа проносилась. Сейчас, сейчас-сейчас... близко. Во-от! *Знаю*. Новые мысли. Почему-то для Юрса. Ну... как есть.

Она подходила снизу, Юрс не видел ее, он смотрел куда-то перед собой, освещенный ровным светом восхода. Сейчас она скажет. Признать поэта надо при жизни.

— О, Юрс! — встала перед его лицом, невысокая, с разгоревшимся румянцем. — Эти леса, туманы, травы, Юрс! ждуть своего возвышения через твою поэзию. Своим присутствием ты освещаешь их.

— Они сказали?
— Да.

...Так. Время. Алая тенниска, бриджи в полосу, пресловутая черная сумка у порога. Пучки сухих трав, сборники стихов, опрятная стопка одеял, в сумрачной помывочной — деревянные кадки, ковши, голубая бочка с водой, березовые венки на обструганных стенах, в парной красная кирпичная печь, кран, полки. Вот они и пролетели, три неизвестных дня. Аннета присела «на дорожку». Спасибо и прощайте.

— На посошок, геолог? Снимаю зарок. По маленькой.

— Можно.
Три полные стопки сдвинулись и были тотчас запечатлены объективом.

— С богом!
Лучезарное счастье, разлили-малина, и всего-то по тридцать граммов! Безотказный способ. По-уму — это чтобы не болеть.

И сразу пошла, влопча сумку. Для паркета, для паркета.

Машина пофыривала. Возле нее ожидал Роман, высокий, славный. Аннета приблизилась, бережно, легонько обвила его шею, ода-ряя, утоляя нечто неназванное, что провело между ними. И он привлек ее, на мгновение, у талии, ближе к бедрам. Все.

Уложили сумку в багажник, хлопнули дверцами. В путь.

— Не сердитесь, — сидя справа, Аннета улыбулась с уверенностью красивой женщины. — Мы немножко приняли.

— Святое дело.

В последний раз нырнули в лес, поехали вдоль озера, сверкавшего огоньками сквозь кустарник, все дальше, дальше от места, где прокипел кусок жизни и где будет больно, если вдруг вернуться.

— Отдыхает твоя сумка, — старая песня Марта.

Оно не покидало его, яркое терзание на желтой дороге, оно разрушало его. Свои-

ми шуточками он доискивался знака, что все неспроста, что все осознано: его ужас, его благородство, внятно ли ей, что он пережил? Если нет — *лететь с одним крылом*.

— No comment! Достал меня с этой сумкой! — и, оглянувшись к заднему сидению, добавила отдельно, мол, знай, друг, все понятно. — Я тебе хоть слово сказала?

— Нет, — веско ответил он.

Объяснились.
А магазин был открыт. Тася поджидала. Истинное уважение! К Юрсу, конечно, его любят. В Москве такое немыслимо. Разлили шампанское, и еще разок. Тут же находился молодой мужчина с мягкой улыбкой, с хвостиком волос на затылке — здешний поп без храма, сам по себе окормляющий паству: крестины, отпевание.

Побеседовали.
— Что ты с ним разговариваешь, отойди — Юрс оттащил за руку. — Он расстрига. Его здесь не любят.

— Мне интересно. Я художник, Юрс.
Отец Александр умильно улыбался.
— Как рассердился! Совсем расстроился человек. Спасибо вам за умную добрую речь. Для меня это благая весть.

Аннете хотелось еще поспрашивать священника, понять его жизнь, но не против же Юрса! Строптивость свернула сталью и приутихла.

Посидели на лавке. Все по-уму. Душа не страдает, обезболивающее работает, чтобы успеть насладиться друг другом в последний раз.

— Смотри на меня. Вот, хорошо.
— Ах, Март... ну что ты нашел? Вот на той фотографии...

— Опять! — он даже хлопнул себя по бедрам и почти закричал. — Да сейчас ты лучше! Ты себя не видишь. А на фотографии — твоя дочь, ей до тебя пахать да пахать.

Вот. Как он нашел эти слова?
— Хороший ты мужик, — она прижала ладони к его ушам и близко-близко заглянула в голубые глаза.

Он молчал. Хорошие мужики немногословны в такие минуты.

Пора. Вышли на шоссе. Широкий простор так и набросился на них.

— Какие дали! Аж зануло...
— А мы не замечаем. Живем и живем, — застенчиво улыбнулся тасин сынок.

Милые табуретки с ягодой у шоссе.
Все перешли на другую сторону. Способ держал, как стоп-кран. Весело, не больно.

— Когда еще ко мне приедешь?
— Как-нибудь.
— Буду ждать.
Ага!

Автобуса не было. Все посерьезнели, тревога просквозила по душам. И тут-то он и появился, чистый, современный, с большими окнами.

Последнее прости. Все.
Мокрые глаза до самого вокзала.

Москва. Солнце в дыму, черные головы мигрантов. Широкое вокзальное крыльцо, где встретились с Мартом. Сердце так и оципило.

Они звонили.
— Как добралась?
— Хорошо. Как вы?
— А мы вчера напились. Сейчас откисаем. Им больнее. У мужич нет нашей защиты.
— Ты нас высветлила. Знай.
— Спасибо.

— Погорячилась с отъездом. Мы идем раков ловить.
Мальчики, мальчики.
Они звонили днем и ночью.

Наконец, удостоил вниманием Грос.
— Ребята тобой не нахватаются. Я рад. Мы переживали в Нижнем буфете.

— Незабываемо, Гросенька. Так замечательно, что и слов нет, и глаза на мокром месте.
— Ладно, коли так. Теперь слушай. Мы заглянули в анкету, у тебя же юбилей на пороге! Давай-ка отметим в Нижнем буфете, всех пригласим, поговорим, поздравим. В подарок ти-снем отзывы о творчестве там и сям.

Холод облил ее с головы до пят, все закружилась, закачалось.
— Ничего не надо.
— Почему? Союз писателей поможет.
— Это мое личное дело.
— Ну, смотри. Мы хотели как лучше.
Звонки оборвались.
C'est la vie.

Месяца через два душа справилась. Боль отошла, тогда же матрица «возраст» обсыпалась, как короста. Личная битва, третий путь. Жизнь не озабочена нашими химерами, или ты пройдешь насквозь и они рухнут, или пеняй на себя, лишней энергии во Вселенной нет. Никогда больше не держала Аннета фотографию в сумочке и не скрывала возраста, потому что его не было. Жизнь в ерш и лась, словно высокий простор в летний день.

РЕКЛАМА

СОЮЗ ПИСАТЕЛЕЙ XXI ВЕКА

Союз писателей XXI века создан в январе 2011 года, зарегистрирован в Министерстве юстиции Российской Федерации.

Президент Союза писателей XXI века — поэт и прозаик Евгений Викторович Степанов.

Союз писателей XXI века — общественная организация, объединяющая современных писателей из разных стран, налаживающая переводческие контакты, содействующая членам Союза в публикациях и продвижении на книжном рынке.

Союз писателей XXI века (совместно с Холдинговой компанией «Вест-Консалтинг») издает журналы «Дети Ра», «Крещатик», «Зинзивер», «Футурум АРТ», газеты «Литературные известия», «Поэтоград», «Есенинский бульвар» (на болгарском языке), альманахи «Илья», «Другие», осуществляет информационную и техническую поддержку крупнейшего Интернет-портала «Читальный зал».

Каждый член СП имеет собственный персональный сайт.

Союз писателей XXI века — некоммерческая организация, которая существует за счет взносов и пожертвований.

Тел. для справок: (495) 978 62 75

Сайт: www.writer21.ru

ЛИТЕРАТУРНЫЙ МАГАЗИН WWW.LITLAVKA.RU

В нашем Интернет-магазине Вы можете приобрести книги по ценам издательств без дополнительной наценки.

Все книги поступают к нам от издательств или непосредственно от авторов, минуя посредников.

Оплатить заказ можно через расчетный счет издательства «Вест-Консалтинг».

Пересылка книг за счет покупателя.

В Москве книги могут быть доставлены курьером.

Звоните по тел.: (495) 971 79 25

Адрес эл. почты: stepanovev@mail.ru

Реквизиты издательства «Вест-Консалтинг»

Юридический адрес: 109193, г. Москва, ул. 5-я Кожуховская, д.13

Банк: ОАО «Банк Москвы» г. Москва

ИНН / КПП: 7723339052 / 772301001

Расчетный счет: 40702810800670000380

БИК: 044525219

Корр. Счет: 30101810500000000219

Генеральный директор издательства «Вест-Консалтинг» — Степанов Е. В.

Холдинговая компания «Вест-Консалтинг» предоставляет услуги в области перевода на английский и немецкий языки:

- Редактура и перевод текстов рекламных материалов и выступлений официальных лиц;
- Подготовка и презентация различных отчетов для руководства международных компаний и корпораций;
- Разработка уставов, положений, регламентов и процедурных вопросов для компаний и корпораций;
- Написание новостных блоков по продвижению и продаже продукции;
- Подготовка финансовой и правовой аналитики, разработка бюджетов;
- Преподавание техник проведения и прохождения интервью, технических навыков, теории и практики продаж, ораторских навыков, подготовки и ведения презентаций.

В нашей компании работают профессионалы самого высокого уровня, носители языка.

Тел. для справок: : (495) 971-79-25

ИЗДАДИМ И СДЕЛАЕМ ИЗВЕСТНОЙ ВАШУ КНИГУ

Издательский центр «Вест-Консалтинг» — это многоуровневая и универсальная структура.

Наше издательство издает 7 литературно-художественных журналов, газету «Литературные известия» и поддерживает 15 собственных литературных сайтов. Мы выпускаем книги современных авторов — более 300 наименований в год. Мы продвигаем книги наших авторов на литературном рынке. Мы обеспечиваем распространение книг авторов нашего издательства (и других издательств) в крупнейших магазинах Москвы, Санкт-Петербурга, Саратова, Киева и др. городов.

Авторы нашего издательства получают эксклюзивные возможности PR-сопровождения.

Путь от рукописи до книги и признания в литературном мире Вы пройдете наиболее быстро в издательстве «Вест-Консалтинг».

Звоните: (495) 971-79-25

e-mail: stepanovev@mail.ru

Сайт: www.west-consulting.com

САЙТЫ ПИСАТЕЛЯМ

Компания «Вест-Консалтинг» — лидер в стране по производству сайтов для писателей и других деятелей культуры.

Наша фирма сделала сайты таким знаменитым поэтам и прозаикам, как Олег Чухонцев, Александр Кушнер, Инна Лиснянская, Олеся Николаева, Тимур Кибиров, Петр Образцов, и многим другим.

Успешно функционирует разработанный ООО «Вест-Консалтинг» сайт премии «Поэт».

Мы берегаем архивы писателей, делаем их достоянием широкой общественности.

«Вест-Консалтинг» — это:

- Создание и сопровождение WEB-сайтов как составная часть продвижения на рынке;
- Сайты-визитки от 500 у.е.;
- Индивидуальный дизайн;
- Предоставление хостинга;
- Регистрация доменного имени;
- Система управления контентом (наполнением сайта) CMS;
- Регистрация в поисковых системах.

По вопросам заказа услуг звоните по телефону: (495) 971-79-25

e-mail: stepanovev@mail.ru

Сайт: www.west-consulting.com

Газета Союза писателей XXI века и Холдинговой компании «Вест-Консалтинг» (www.west-consulting.com)

Тел.: (495) 978-62-75

Интернет-ресурсы

www.poetograd.ru,

<http://poetograd1.livejournal.com>,

<http://www.facebook.com/poetograd.vestkonsalting>

Общественный совет

Лео Бутнару (Румыния), Арон Гаал (Венгрия), Светлана

Дион (Испания), Станислав Пенев (Болгария), Нелли

Пигулева (Болгария), Константин Кедров (Москва),

Дмитрий Цесельчук (Москва)

Главный редактор

Наталья Лихтенфельд

Заместители главного редактора

Владимир Коркунов, Фёдор Мальцев

Шеф-редактор

Евгений Мелешин

Заместители шеф-редактора

Василий Манулов, Сергей Киулин

Литературный редактор

Ольга Денисова

Компьютерная верстка

Глеб Пузыревский

Отдел рекламы и связей с общественностью

Ирина Горюнова

Интернет-версия

Максим Жуков, Николай Баринин, Наталья Лихтенфельд